

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ИСТФАКЕ МГУ “МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ БЫТЬ ОБЪЕКТИВНОЙ?”

Известный итальянский ученый Б. Кроче как-то верно заметил, что “любая правдивая история – это современная история”. Дело заключается в малом – создать такую историю. Но каким должен быть критерий объективности при ее написании? Ответ на вопрос, как писать беспристрастные научные труды, полно и всесторонне отражающие исторические события и явления, а также адекватно оценивающие их место в мировой истории, до сих пор остается открытым. Размышления о природе исторического познания столь же старые, как и сама история. Люди всегда интересовались прошлым, а историки стремились к объективности в его изложении. Однако накопленный в ходе научных исследований опыт показывает, что взгляд историка на мир не может и не должен быть статичным. История пишется людьми, каждый из которых имеет собственный опыт, соотносимый с определенным периодом времени, поэтому их труды не могут не нести отпечатка эпохи. Каждое новое поколение вносит свой вклад в изучение истории, приближаясь в той или иной степени к ее объективному освещению.

В процессе накопления исторических знаний возможны приобретения и потери, при этом порой из-за конъюнктурных соображений не только отдельные события, но даже целые периоды выпадают из поля зрения ученых. Кроме того, там, где одни ученые ищут факты, вводя в научный оборот новые источники, другие – стремятся дать им новую интерпретацию, обогатив выработанную ранее концепцию. Как же нам сейчас писать историю? Как добиваться ее правдивости и объективности? Можем ли мы познать историческое явление во всей его сложности и противоречивости? Как бороться с фальсификацией истории и противодействовать стремлению ряда ученых и публицистов интерпретировать ее согласно господствующей официальной идеологии, подгоняя события прошлых лет в угоду социальному заказу, замалчивая при этом факты, не укладывающиеся в общепринятую конъюнктурную схему, которая трактует исторические события однобоко, а порой и полностью их извращает?

Чтобы обсудить наиболее острые из накопившихся вопросов, 2 декабря 2011 г. на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в конференц-зале “Шуваловский” была проведена международная научная конференция “Может ли история быть объективной?”. Ее целью являлась экспертная оценка современного состояния историографии и методологических подходов к изучению прошлого. На обсуждение участникам конференции был вынесен ряд проблем: Может ли историческая наука дать объективное представление о прошлом? Каковы критерии объективности? Есть ли у историков единство в понимании того, что должно составлять методологическую основу исторической науки? Каковы границы междисциплинарности в исторических исследованиях?

Работа конференции проходила в трех секциях. В развернувшейся на секциях дискуссии состоялся заинтересованный и плодотворный обмен мнениями. В конференции приняли участие более 150 преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов истфака МГУ, Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, Института Европы РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Высшей школы экономики, других научных и образовательных центров РФ, а также ведущие специалисты США, ФРГ, Великобритании, КНР.

Л.В. Байбакова,
доктор исторических наук,
профессор истфака МГУ

Пленарное заседание открыл декан исторического факультета МГУ академик **С.П. Карпов**, заявивший о том, что международная конференция будет проходить в формате докладов, обмена мнениями и дискуссий. По его мнению, обозначенная тема “Может ли история быть объективной” весьма актуальна, несмотря на известную публицистичность названия. На самом деле, на повестке дня – вопрос об уровне аппроксимации, о том, какими методами пользуются историки для изучения тех или иных процессов, о применении адекватных методик и методологии исследования.

Затем он передал слово академику **В.А. Тишкову**, руководителю секции истории Отделения историко-филологических наук, директору Института этнологии и антропологии РАН, который был модератором пленарного заседания. Тишков отметил, что мы живем в ситуации, когда история перестала быть просто академической дисциплиной, это часть общей культуры в гораздо большей степени, чем это было во все прошлые эпохи. Сегодня историки не могут считать себя исключительными владельцами даже профессионального исторического знания. Они вынуждены делиться правом на интерпретацию, на объяснения и просто разговоры по истории с целым рядом авторов, представляющих так называемую просвещенную публицистику. Историческая тематика заполнила телевизионное производство, кинопроизводство, различные исторические сериалы, специальные шоу на тему истории, которые получили даже название “histotatement”, т.е. развлечение из истории. Многочисленные публицисты-авторы, не занимаясь профессионально производством исторического знания, тем не менее, считают себя историками, они пишут про историю и порой пользуются большой популярностью. Издавая многочисленные книги, они зарабатывают себе этим на жизнь. Книги Э. Радзинского изданы в Англии, Франции и других странах. В Интернете можно обнаружить множество исторических сайтов, порталов и огромное количество документации и исторических текстов. Сегодня практически отпадает необходимость идти в библиотеку и даже посещать архивы, чтобы изучить тот или иной документ. Я привожу вам все это в пример только потому, что когда я в 1960 г. писал свою первую курсовую работу по “Русской правде” у проф. Н.Б. Голиковой, я стоял в очереди в библиотеке, чтобы получить текст “Русской правды”. Сегодня достаточно потратить минуту на поиск в Интернете и многие документы по русской истории окажутся доступными. По мнению Тишкова, историки живут в новой исторической культуре, к которой они, как профессиональное сообщество, должны привыкать, находить свое место и не терять собственной идентичности.

Д.и.н., проф. **Л.С. Белоусов**, заведующий кафедрой новой и новейшей истории истфака МГУ, говоря об объективности в исторической науке, подчеркнул, что он не теоретик-историограф, а практик – исследователь и преподаватель, тем не менее хотел бы остановиться на том, что его волнует в исторической науке, почему это его волнует и что надо сделать, чтобы меньше волноваться.

Достоверность, по мнению Белоусова, остается главной проблемой для исторического знания. В переломные эпохи, как правило, возрастает интерес к историческому прошлому, общество вовлекается в активные дискуссии, которые зачастую утрачивают научный характер, становясь инструментом политической и идейной борьбы, а это ведет к тому, что в обществе утрачивается и представление об истории как науке. Оппоненты из телевидения, радио, Интернета выкладывают друг перед другом обширнейший набор подобранных фактов, сопровождаемых собственной эмоциональной аргументацией, при этом они остаются при своем мнении и предлагают аудитории голосованием решить, кто из них прав. Затем они подсчитывают проценты и таким образом определяют “историческую истину”. Это – откровенная дискредитация науки. Зритель покидает передачу с убеждением, что не только закон, но и история “что дышло, куда повернешь, туда и вышло”. Так, недавно в Рунете на сайте Гайд-парка был проведен опрос по нашей теме: 60% респондентов ответили “нет”, поскольку каждый историк пишет свою историю. Вывод прост – история лженаука. Отсюда возникает логический вопрос о том, как быть в этой ситуации рядовому учителю в средней школе, перед которым лежат несколько школьных учебников, в которых противоречиво, а порой прямо противополо-

ложно, трактуются одни и те же события? Естественно, что формирование ценностного ряда ребенка во многом зависит от предпочтений преподавателя, а об объективности исторического знания здесь не может быть и речи.

Конечно, проблема эта не нова, споры об объективности в истории идут со времен Геродота. Еще древние философы говорили, что существует два знания: “по мнению и по истине”, допуская их противопоставление. Плеяда блестящих мыслителей в течение столетий пыталась найти рецепт объективности нашего знания о прошлом, включая великого Леопольда фон Ранке, предлагавшего писать так, “как это было”. Однако, несмотря на появление множества новых методологических подходов и исследовательских приемов, универсального рецепта пока не найдено. Жаркие дебаты профессионалов и политиков, подогреваемые общественным интересом, разгораются вновь и вновь.

Так, в 1961 г. англичанин Э. Карр написал работу с красноречивым названием: “Что такое история?”¹. Интерес к книге был столь велик, что она разошлась тиражом в 250 млн. экземпляров! При этом Э. Карр считал, что историк есть продукт своей эпохи и общества, в котором он живет, поэтому историй может быть столько, сколько самих историков. Главный посыл этого бестселлера состоял в различии между фактами прошлого и историческими фактами. Если объем первых безграничен и в своей полноте непознаваем, то вторые представляют собой результат отбора, сделанного историком. Но существуют ли общепризнанные критерии отбора, или это происходит по прихоти ученого?

Ответ на этот вопрос попытался дать другой маститый британский историк К. Дженкинс. Все его книги носят вызывающе красноречивые названия: “Переосмысление истории” (1991), “О том, что такое история” (1995), “Почему история?” (1999), “Перестройка истории” (2003); “Пределы истории” (2009)². Их ключевой тезис состоит в том, что историк вкладывает много личного в свой труд, поэтому одни и те же исторические события получают разное объяснение, а сама история превращается в “дискурсивную практику, позволяющую людям отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями”. К. Дженкинсу вторит другой, не менее известный современный британский историограф Э. Манслоу, полагающий, что история не может считаться наукой, а прошлое не является историей³. “Прошлое” и “история”, утверждает он, принадлежат к разным онтологическим категориям.

Аналогичная дискуссия развернулась не так давно и в американской историографии. Ее инициатором стал П. Новик, автор нашумевшей книги “Та благородная мечта”⁴. Новик определял объективность, с одной стороны, как функциональный “миф”, призванный обеспечить сплоченность академического сообщества, с другой, как важный ориентир, призванный свести к минимуму противоречия между историческим фактом и его многочисленными интерпретациями. Вывод Новика о состоянии американской исторической науки в конце XX в. неутешителен: по его мнению, провалились все попытки застолбить эпистемологический “жизненный центр под названием “объективность”. мироощущения американских историков оказались слишком разнообразными, чтобы быть собранными под одним большим “вселенским шатром”, и каждый из них стал делать то, что считал нужным, без оглядки на авторитеты.

¹ Carr E. What is History? New York, 1961.

² Jenkins K. Rethinking History. New York – London, 1991; *idem*. On ‘What is History’. New York – London 1995; *idem*. Why History? New York – London, 1999; *idem*. Refiguring History. New York, 2003; *idem*. The Limits of History. New York – London, 2009.

³ Munslow A. Deconstructing History. London, 1997; *idem*. The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language. London, 2001; *idem*. The New History. London, 2003; *idem*. Narrative and History. London, 2007.

⁴ Novick P. That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge, 1988.

Этот пессимистический вывод постарались оспорить коллеги Новика. Например, в работе “Говоря правду об истории” Дж. Эпплби, Л. Хант и М. Джэкоб утверждали, что объективность все-таки возможна в исторических исследованиях⁵. Однако их взгляды подверглись еще более мощной атаке со стороны историков-постмодернистов, осуществивших так называемый “лингвистический поворот”. Они завоевали сильные позиции в современной историографии США, Франции, Великобритании и Германии. Вкратце суть взглядов постмодернистов сводится к тому, что прошлое существует лишь в голове историка, а сама история – это написанные им тексты, которые следует анализировать по правилам лингвистики. Все, что создано историками, есть плод их воображения, беспрерывно пересматриваемые интерпретации, поэтому история не есть наука, а лишь разновидность литературы, и говорить о достоверности исторического знания не приходится.

Схожих позиций придерживаются и некоторые отечественные историки. Так, А.Я. Гуревич полагал, что “сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна”⁶. Если такой подход верен, то он означает дискредитацию всего нашего профессионального цеха. Однако содержательно возражать можно лишь в том случае, если предложить такой методологический инструментарий, который будет признан профессиональным сообществом как универсальный. До сих пор он не найден и вряд ли возможен вообще, даже на основе принципа историзма, который, с точки зрения Белоусова, представляется наиболее совершенным.

Докладчик утверждает, что на пути объективного исторического знания встает целый ряд объективных и субъективных преград. Среди объективных он отметил лишь наиболее явные: во-первых, нескончаемый ряд фактов (пусть даже достоверных), охват которых недоступен человеческому разуму; во-вторых, личность историка со своими чувствами, симпатиями, антипатиями, исключаящими элементы непредвзятого подхода; в-третьих, давление каждой конкретной эпохи с ее системой общественных и моральных ценностей, спрятаться от которых ученым не дано, любой из них – дитя своего времени.

Ряд субъективных преград более подвижен, но не менее короток. Даже если историк стремится быть идейно нейтральным, провозглашает отказ от всякой методологии и ограничивается лишь изложением фактов, их подбор и последовательность не могут оставаться произвольными, они подчинены внутренней логике повествования. Кроме того, простой перечень фактов мало что дает для понимания сути событий, а все, что выходит за этот перечень, – личная интерпретация ученого.

Еще одна существенная субъективная преграда, по мнению Белоусова, заключается в отсутствии единой терминологии. До сих пор историкам не удается достичь идеального принципа точных наук: “один термин – одна трактовка”. Отсюда – разнობой в определении понятий, категориальная путаница, отсутствие понимания общих координат исследований. Добавьте к этому использование эмоционально окрашенной терминологии, зачастую определяющей тональность исследований.

Наконец, заказ – производство мифов. Наша наука с давних пор была призвана творить мифологемы, становившиеся идеологическими скрепами нации, цементирующими государство. Да и сейчас мы наблюдаем эти процессы, особенно на постсоветском пространстве, где историческая наука, выполняя государственный заказ, удлиняет историю собственной недавно образованной государственности, пестует псевдоисторическими фактами территориальные межэтнические конфликты, подтасовывает и фальсифицирует этапы этнической истории, предвзято интерпретирует события XX в., формируя, таким образом, нациообразующее идеологическое пространство. Активное вмешательство историка в манипулирование прошлым, по мнению многих исследователей, предопределено.

⁵ Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth About History. New York – London, 1994.

⁶ Материалы дискуссии “Актуальные теоретические проблемы исторической науки”. – Вопросы истории, 1992, № 8–9, с. 162.

Однако заказ еще не означает фальсификацию, возможен запрос и на объективность. Вспомним книгу Р. Бенедикт “Хризантема и меч”, которая создавалась по заказу разведслужб США в 1944 г.⁷ Целью автора являлась подготовка рекомендаций для успешного управления оккупированными территориями после грядущего поражения Японии. В результате исполнения этого заказа вышло издание о японцах того времени, написанное, пользуясь словами Умберто Эко, “без гнева и пристрастия”. Именно такое исследование и нужно было американцам в сугубо прагматических целях.

Л.С. Белоусов поставил риторический вопрос о том, что и как нужно сделать, чтобы меньше волноваться за свое профессиональное мастерство. Им было предложено пять рецептов, эффективность которых, по его словам, достигается только при применении их всех вместе. Во-первых, надо признать, что существуют надежные способы для установления достоверности исторических фактов. Это, прежде всего, подтвержденные документально (и материально) факты, отрицать существование которых может лишь сумасшедший, а также факты, имевшие место в прошлом независимо от того, как к ним относятся историки.

Во-вторых, есть универсальные методы датировки (без чего немислима история), в том числе, естественно научные: так, археологи используют стратиграфию, дендрохронологию, радиоуглеродный анализ; медиевисты привлекают данные вспомогательных исторических дисциплин: палеографии, сфрагистики, нумизматики, фоляристики и т.д. Это ставит крест на фальсификаторах (А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский) и коммерциализации псевдоисторического знания.

В-третьих, есть понимание обязательных условий для приближения к исторической истине: полная доступность для исследователя источников и возможность открытой дискуссии профессионалов, придерживающихся принципов научной этики, не позволяющих подгонять факты под заказ, скрывать или фальсифицировать их. Борьба концепций, мнений, смена научных парадигм – это отражение процесса познания, а не повод для обвинения в необъективности. Главным остается научная порядочность, диктующая толерантность, терпимость к мнению коллег. В-четвертых, существует реалистическое понимание того, что на этой основе мы можем лишь приблизиться к исторической объективности, но не постичь ее.

Белоусов завершил свое выступление призывом к установлению консенсуса в обществе в отношении ключевых исторических событий и фактов, вызывающих наиболее острые споры. По его мнению, это – трудная, но вполне достижимая задача. Пришло же человечество к пониманию того, что людоедство – это плохо. Сумели же люди договориться после Второй мировой войны, что фашизм – это ужасная антигуманная, преступная практика, и даже предусмотрели правовые способы защиты от угрозы ее возрождения. Такой консенсус в обществе, с его точки зрения, возможен.

Вступивший в дискуссию **В.А. Тишков** заметил, что он больше согласен с А.А. Гуревичем, считавшим, что обсуждаемые нами вопросы излишне традиционно сформулированы или даже, можно сказать, тривиальны. Вместе с тем выступление Белоусова, по его мнению, обрисовало правовые аспекты проблемы, связанные с отношением к историческим событиям и фактам. В.А. Тишков заявил, что история сегодня оказалась зажатой между политикой и правом, поэтому вся страна голосует по поводу истории. Наконец, сохраняют значимость вопросы, связанные с морально-нравственными аспектами в нашей профессии, в интерпретации прошлого.

В.А. Тишков считает, что мы не должны забывать, что в России за последние 20 лет произошли очень крупные и радикальные изменения и до сих пор есть кризис понимания прошлого, по крайней мере, последних 20–25 лет. Историки оказались в ситуации, когда должны нести ответственность за профессиональную трактовку того, что произошло в новейшей истории России за последние два – три десятилетия, тем более что каждая правящая команда в отсутствие политической и культурной преемственности, как правило, отвергает все, что было сделано ее предшественниками. В итоге недавнее

⁷ Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2007.

прошое, свидетелями которого мы были, нам труднее объяснить, чем совсем давние события, очевидцами которых мы не были.

Д.и.н., проф. **В.А. Никонов**, декан факультета государственного управления МГУ, начал свое выступление со ссылки на работу Н.А. Морозова “Христос”. Он напомнил присутствующим, что она начинается с описания работы комиссии по воссозданию обстоятельств победы большевиков в октябре 1917 г. Описываемый автором книги главный персонаж, выйдя из тюрьмы, был включен в состав комиссии в качестве одного из руководителей⁸. Спустя год после известных октябрьских событий, его участники были собраны для того, чтобы описать, что же происходило в день II съезда Советов. Все друг другу говорили: “Ничего ты не помнишь. Все было совершенно не так. Ты не там стоял. Ты не там сидел. Это не он говорил, а другой говорил”. И все это не случайно, поскольку если сегодня к вечеру мы попросим всех присутствующих описать, что происходило здесь, на этой конференции, то мы получим как минимум сто историй того, что здесь происходило, при этом эти истории не будут совпадать.

Отвечая на главный вопрос конференции “возможна ли объективная история?”, Никонов дал отрицательный ответ, прежде всего, потому, что все истории пишут люди, которые являются по определению субъектами. По его мнению, любой ученый, когда он пишет книгу, тоже является субъективным. Но все же, что есть истина? Сегодня ученые по существу пытаются ответить на тот главный вопрос, который задавал Понтий Пилат Иисусу, но тот не ответил. По словам докладчика, если сам Господь не уверен, что знает ответ на этот вопрос, то вряд ли мы можем быть более самоуверенными, чем Всевышний, хотя некоторые юмористы и говорят, что историки даже более могущественны, чем сам Бог, потому что ему не под силу изменить прошлое. Один из известных историков, М. Блок говорил, что от настоящей истории должно пахнуть “человечиной”⁹. Там, где “человечина”, там, безусловно, субъективность и вряд ли в этом есть что-то плохое.

В.А. Никонов отметил, что ученые много рассуждают о том, является или нет история наукой. В западных университетах, прежде всего англосаксонских, есть “colleges of arts and sciences”. В категорию “sciences” история не попадает, ее относят к “arts”, т.е. – одному из искусств и это не какое-то новое изобретение. Как мы помним, муза Клио относилась к музам искусства. Конечно, есть и такая разновидность истории как “клиометрия” – математические методы, которые позволяют сделать более объективным наше знание, поэтому докладчик двумя руками высказался за использование математических методов в изучении истории. Но и здесь есть проблема исходных статистических данных. В тех же англосаксонских странах популярна поговорка: “Есть три вида лжи – ложь, ложь наглая и статистика”. Поскольку исходные статистические материалы, которыми ученые пользуются, не всегда отражают объективную реальность, то, естественно, анализ этих данных также не всегда может отразить эту реальность. В этой связи Никонов заметил, что никто не будет говорить, что сведения Госкомстата являются абсолютно надежными, поскольку они составлены на основе отчетности предприятий. Никто не будет говорить, что отчетность каждого предприятия отражает реальное положение дел на этом предприятии. Даже если историки зададутся целью проанализировать данные по валовому внутреннему продукту государств, то у Всемирного банка и у Мирового валютного фонда они найдут разные цифры. Отсюда даже объективное математическое знание в отношении истории людей вряд ли можно себе представить, хотя, конечно, это большее приближение к объективности, чем описание истории на основании, скажем, воспоминаний.

В качестве следующей проблемы для изучения объективности В.А. Никонов обозначил понятие так называемых “черных лебедей”. Оно возникло от названия недавно вышедшей книги Н. Талеба, ставшей бестселлером 2009 г. После ее выхода стало модным говорить о “черных лебедях” или случайностях, которые в принципе не поддаются

⁸ Морозов Н.А. Христос, в 10 т. М., 1997–2003.

⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

учету, анализу, прогнозированию¹⁰. Сам Талейб – звезда Уолл-стрит, очень богатый человек, ливанец по происхождению, начинает свою книгу с описания того, что считалось объективным знанием. До XVII–XVIII в. все были уверены в том, что все лебеди белого цвета, но после открытия Австралии выяснилось, что есть и черные особи. Так и в родном Талейбу Ливане тысячу лет христиане и мусульмане жили, душа в душу, в мире и конфликтов между ними не было. И вот, в один прекрасный день, в 1974 г., люди начали резать друг друга. Почему это произошло? Кто-то из ученых может объяснить все это происками израильской разведки, а кто-то бытовыми склоками – тем, что кто-то кому-то что-то не так сказал на базаре. По словам В.А. Никонова, можно долго и пространно объяснять причины, но все данные объяснения будут недостаточными. Истину мы не знаем и никогда не сможем объяснить. Например, почему из всего обилия, десятков тысяч верований, которые существовали на планете, мировыми стали (по М. Веберу) только пять религий, причем, все пять возникли в Азии. Никонов утверждает, что историки не могут вообразить всего того обилия факторов, которые повлияли на этот факт, как и на любое другое крупное историческое событие. Человеческий разум, во-первых, просто не в состоянии все эти факты переварить, а во-вторых, подавляющее большинство из них не нашло никакого отражения в каких-либо исторических источниках.

В.А. Никонов заметил, что если Белоусов говорил о неразберихе с выпускаемыми в нашей стране школьными учебниками по истории, то его, как руководителя фонда “Русский мир”, прежде всего, волнует изучение русского языка в странах Ближнего зарубежья, где циркулирует порядка 70 учебников “разного” русского языка, хотя сам по себе язык – вещь более объективная, чем история. По словам Никонова, во всех странах история в школе – это преимущественно воспитание гражданственности, соотносимое с ответом на вопрос: “почему моя страна – самая замечательная страна на планете”. Однако в России дело обстоит иначе: школьный учебник сразу же пытается ставить серьезные вопросы жизни и заявлять политическую позицию авторов. Так, в учебнике граждановедения для 6-го класса написано, что “войны бывают справедливые и несправедливые. Справедливая война – это та, которую мы вели против Гитлера, несправедливые войны – это те, которые наша страна вела в Афганистане и Чечне. В армию идти не надо, потому что там дедовщина и нужна профессиональная армия”. По мнению Никонова, все это явно не то, что должно быть в учебнике граждановедения для 13-летнего подростка.

Отвечая на вопрос о том, нужно ли стремиться к объективности в истории, он ответил сугубо положительно. Поиск истины, ответ на вопрос “Что есть истина?” – это смысл человеческой жизни, причем, занимается человек историей или не занимается, он постоянно пытается найти ответы на эти вопросы. Конечно, нужно думать о том, как лучше осуществлять критику источников, как шире привлекать документы из архивов, хотя документы чаще всего тоже субъективны, потому что их писали люди и писали в определенных целях. Более того, исследователи не всегда знают те мотивы, которыми эти люди руководствовались. Иными словами, ученые могут приближаться к истине, но полностью постичь ее им не дано.

В конце выступления, отвечая на вопрос, вынесенный в название конференции “Может ли история быть объективной?”, Никонов заключил, что “объективность заключается в наших усилиях постичь истину”.

В.А. Тишков, комментируя выступление В.А. Никонова, отметил, что докладчик затронул острый и интересный вопрос, связанный с возможностью существования некоего канона, стандарта на образовательном уровне. Однако соотношение истины, объективного и субъективного знания, и проблема стандарта и канона – все-таки разные вещи. В некоторых странах приняты государственные законы о каноне исторических фактов и событий, которые должны быть в обязательном порядке включены в школьные образовательные курсы. Тишков завершил свою реплику вопросом о том, нужен ли нам такой закон или нет.

¹⁰ Талейб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.

Далее слово взял действительный член Британской академии, профессор Кембриджского университета Лондонской школы экономики и политических наук **Д. Ливен** (Великобритания). Он заявил, что является приверженцем английской школы эмпиризма, поэтому во время его обучения в Кембриджском университете студентам не преподавали методологию и историографию. Однако поднятые на конференции проблемы вызывают его живейший интерес и, прежде всего, проблема объективности в англофобских работах о России, автором некоторых из которых является он сам¹¹.

По мнению Ливена, любое общество во многом зависит от предположения о доказуемости фактов. Если, например, где-либо отсутствует такое понятие, как историческая правда, то тогда речь можно вести о крахе юридической системы того или иного государства. Ливена полагает, что постмодернистский подход, который делает все истины относительными, а факты – иллюзорными, крайне опасен не только для этических, но и политических основ государственности. При этом Ливен разводит по разные стороны мнения отдельных людей и достоверные факты. Он считает, что мнения – это не факты, а ученые – не журналисты. Позиция историка должна основываться на доказательствах и изучении источников. Хороший ученый всегда стремится исследовать объект изучения со всех сторон, по сути, он – охотник, который выискивает и жаждет истины.

Ливен считает, что, любой историк должен стремиться к объективности в своих трудах. Во-первых, существует множество фактов, поэтому важной частью профессионального долга ученого является поиск и доказательство их достоверности: ему нужно выяснить, что случилось, когда, как и почему? Исторические факультеты университетов существуют для того, чтобы учить студентов, как анализировать события, отсеивать доказательства и источники, понимать поводы и мотивы действий своих персонажей. Если факты отсутствуют, то все люди имеют свое мнение, каждое из которых не лучше или хуже другого. Например, возникает вопрос о том, убивал или не убивал Гитлер евреев? До сих пор в Англии есть люди, отказывающиеся признать истребление евреев и других европейских народов в годы Второй мировой войны. Конечно, история решает более важные проблемы, чем выяснение, кто кого убил, когда и почему? Интерпретация поступков и действий героев часто требует от ученых большей тонкости, чем просто установление времени или мотива убийства. То же самое касается интерпретации учеными разных исторических процессов или даже целых эпох.

Историкам, полагает Ливен, следует придерживаться определенных правил. Во-первых, высшим преступлением против профессии должно считаться сознательное сокрытие или искажение действительных фактов. Во-вторых, исследователи даже ради лучших побуждений не должны становиться заложниками той или иной трактовки событий. Такая позиция оправдана даже в крайних случаях, таких, как, например, изучение резни армян во время Первой мировой войны. В таких случаях необходимо не только искать все возможные доказательства, но и оценивать их как можно более объективно, имея в виду, что поиск истины не является оскорблением памяти всех умерших, поскольку в прошлом веке Османская империя стала свидетелем массовых этнических чисток и даже убийств мусульман на ее границах. Все эти факты вряд ли создадут более реальную картину происходящих событий, но они нужны и полезны для исторического исследования. Ливен заключил, что если, когда-либо и произойдет примирение армян и турков, то описание их взаимоотношений потребует определенной чувствительности к историческом контексту, опыту всех сопричастных народов.

По мнению Ливена, академическая наука должна стремиться к тому, чтобы дать противоположным точкам зрения зеленый свет, поскольку отдельные историки,

¹¹ *Lieven D. The Collapse of the Tsarist and Soviet Empires in Comparative Perspective. – The Decline of Empires. Munich, 2001; idem. Empire, History and the Contemporary Global Order. – Proceedings of the British Academy, v. 131. London, 2004; idem. Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London, 2009; idem. Leo Tolstoy on War, Russia and Empire. – War and Peace Across the Disciplines. New York, 2010; idem. Russia against Napoleon: the Struggle for Europe. 1807–1814. London, 2010.*

изучающие великие исторические события, вряд ли могут быть полностью объективными. По существу это предполагает свободный доступ ученых с разными интересами и научными подходами к издательствам, журналам и назначениям на государственные посты. Ливен полагает, что в любом обществе должно быть место разным научным школам, методологиям, понятиям и предметам изучения. Нужен не только плюрализм внутри того или иного общества, но необходим международный плюрализм, наличие разных взглядов и исторических методологий у ученых разных стран.

Ливен высоко оценил достижения англоязычных ученых, изучающих историю России в последние годы. По его словам, каноны профессии всегда доминировали в арсенале ученых, стремящихся определить суть и причины имевших место событий. Любые попытки сознательно исказить или скрыть те или иные доказательства неминуемо вели к потере доверия к тому или иному исследователю со стороны академической общественности. И хотя финансирование исследований по изучению истории СССР в годы “холодной войны” шло прямо или косвенно из правительственных источников, это отнюдь не означало ангажирование научных интерпретаций тех или иных событий, происходивших в России. Так, в Великобритании и США большинство историков, как правило, не поддерживало внешнеполитический курс Запада в отношении СССР. Сторонников внешней политики Р. Рейгана и М. Тэтчер было, в частности, относительно немного. И хотя историки не все были русофилами, было бы несправедливо зачислять их всех в число русофобов. Ни английские, ни американские историки не были слугами пророчества и, тем более, послушными исполнителями идеологических веяний “холодной войны”. У всех был свой выбор. В частности, по словам Ливена, и сам он, будучи в течение шести лет членом совета одного из крупных банков, придерживался независимой позиции и многим рисковал.

По словам Ливена, все существующие проблемы в изучении русской истории вытекают не из интеллектуальной нечестности ученых и не являются следствием политической манипуляции, а определяются, скорее всего, господствующими взглядами в англо-американском сообществе и соответственно профессией американских и британских академических ученых. Со временем все это привело к некоторому сужению интерпретаций и чрезмерному интересу к определенным темам в ущерб другим, не менее важным проблемам. Для подтверждения своего тезиса Ливен привел два примера: в первом случае речь шла о дискуссиях, связанных с происхождением русской революции, которые доминировали в англо-американской историографии преимущественно в 1970-е годы, а во второй – к последним двум десятилетиям, когда усиленно началась разработка сюжетов культурной жизни, идентичности и этнологии в России. Например, на одной из последних конференций славянских и русских исследований в США он был один из более чем 100 докладчиков, выступавших по проблемам внешней политики. Большинство участников не интересовалось тематикой по государственной, экономической, финансовой и военно-политической истории России. Вывод Ливена таков: необходимо стремиться к плодотворному обмену на международном уровне разных точек зрения, надо знакомиться с научными школами и традициями разных народов.

Д.и.н., проф. **А.Г. Голиков**, заведующий кафедрой источниковедения истфака МГУ, в докладе отметил, что на вопрос, “Может ли историческая наука дать объективное знание о прошлом человеческого общества?” ученые отвечают по-разному. В XIX в. историки-позитивисты были убеждены: их задача – “показать, как все происходило на самом деле” (Л. Ранке). Предполагалось, что опора на достоверные факты, содержащиеся в подлинных источниках, и сознательное преодоление исследователем собственной субъективности могут гарантировать объективность полученного знания.

Хотя все ученые-историки, независимо от их теоретико-методологических позиций, в той или иной степени заинтересованы в адекватном знании о прошлом, реализовать эту заинтересованность на практике непросто. Прошлое тесно связано с настоящим. Как обоснованно констатировал в своей книге немецкий коллега профессор Й. Рюзен, “не следует доверять наивным утверждениям авторов, уверяющих читателей в абсо-

лютной объективности своих трудов. История пишется и переписывается снова и снова в контексте времени, в котором живут историки и читатели их трудов”¹².

По мнению академика И.Д. Ковальченко, несмотря на субъективную форму познания, оно может давать объективное по содержанию знание. Для исторических исследований существует “диапазон объективности”: от 1 до 0. Однако ни объективная, ни субъективная составляющие исторического знания никогда не достигают этих крайних значений¹³.

При ответе на сформулированный в начале доклада вопрос надо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства. Во-первых, как известно не вся информация о действительности фиксировалась современниками. Во-вторых, даже та информация, которая была зафиксирована, не полностью сохраняется и по разным причинам только отчасти доступна для ученых. В-третьих, историк, формируя источниковую базу работы, в свою очередь, отбирает для изучения материал, в наибольшей степени соответствующий целям и задачам исследования.

Содержательную основу трудов историков составляет информация о прошедшей действительности, зафиксированная в источниках, которые выполняют функцию накопления, хранения и передачи во времени этой информации. Круг интересов создателей источников всегда избирателен. Поэтому историки используют в качестве исходной базы исследования субъективизированную картину прошлого, оставленную современниками. Так, древнерусский летописец тяготел к необычному. Он пунктуально отмечал, например, поражавшие его воображение явления комет, описывал деяния князей, но вовсе не был склонен фиксировать то, что казалось ему обыденным. И когда не происходили события, которые казались достойными внимания потомков, летописец мог ограничиться кратким замечанием: “В лето... ничего не было”.

Автор личного дневника нового и новейшего времени, напротив, часто сообщает о повседневном. Император Николай II ежедневно делал лапидарные записи: о погоде, о времяпрепровождении. Только события, нарушавшие привычный уклад жизни, создававшие неудобства, не укладывавшиеся в рамки личных представлений, вызывали у него эмоциональную реакцию, получившую отражение в дневнике. “Ошеломляющее известие” о восстании на броненосце “Князь Потемкин-Таврический” побудило всегда сдержанного царя хотя бы наедине с собой дать волю чувствам: “Просто не верится!.. Черт знает, что происходит в Черноморском флоте... Надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников”¹⁴.

Личный дневник – произведение безусловно пристрастное. Автор фиксирует в окружающей действительности только то, что ему важно и интересно. Но одновременно он непосредственно сообщает информацию о себе. Такие ненамеренные свидетельства, какими бы малозначительными они ни казались порой, позволяют историкам получать более объективное знание. 1 сентября 1904 г. Николай II записал в дневнике: “Настоящий осенний день: 7° с дождем и сильнейшим ветром... В первый раз пришлось затопить камин”. И далее следует ремарка: “Остался дома, обидевшись на погоду”¹⁵. Очевидно, что последняя фраза определенно характеризует российского самодержца как крайне обидчивого человека, склонного действовать импульсивно, подчиняясь сиюминутному настроению. Известно, что эта черта Николая II проявлялась и в его деятельности в качестве главы государства.

Степень объективности исторического знания во многом зависит от сохранности источников и их доступности для исследователей. Информация о деятельности людей может быть зафиксирована разными способами и на различных материальных носителях. Постепенно человечеством были выработаны формы сохранения в течение дли-

¹² Rüsen J. Historische Vernunft: Grundzüge einer Historik. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1983, s. 119.

¹³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования, изд. 2. М., 2003, с. 256–257.

¹⁴ Дневники императора Николая II. М., 1991, с. 265–266.

¹⁵ Там же, с. 227.

тельного времени наиболее важных в практическом и научном отношении памятников. Их основными хранилищами стали архивы, библиотеки, музеи. Войны, пожары, человеческое небрежение вносили коррективы в состав сохранявшихся исторических источников. Но как знают ученые, иногда даже природные и социальные катаклизмы играли в этом отношении не только роль все разрушающего злого волшебника, но также, по образному выражению французского историка М. Блока, роль созидającego “божества, покровительствующего исследователю”¹⁶. Извержение вулкана Везувий, ставшее катастрофой для жителей Помпей, сохранило для ученых богатейший археологический материал. Французская революция XVIII в. заставила министров короля бежать, не дав им времени сжечь секретные бумаги. Национализация советским государством действовавших в дореволюционной России крупных предприятий и банков уберегла от гибели их архивы и находившиеся в делопроизводстве документы.

Общее количество исторических источников огромно. Но прежде, чем историк приступит к их исследованию, он должен выяснить: какие из необходимых материалов можно будет получить для работы. М. Блок называет двух главных “виновников забвения и невежества”: небрежность, “которая теряет документы” и страсть к тайнам (дипломатическим, деловым, семейным), “которая прячет документы или их уничтожает”¹⁷. Законодательство всех государств устанавливает ограничения по использованию определенных категорий документов. Однако даже тогда, когда государство публикует документы, ранее имевшие гриф секретности, такие издания тенденциозны по подбору материала.

В 1914–1915 гг. министерства иностранных дел Германии, Великобритании, России, Бельгии, Сербии, Франции и Австро-Венгрии опубликовали сборники дипломатических документов – так называемые “цветные книги”. При помощи специальных подборок документов правительства государств, вступивших в Первую мировую войну, стремились в глазах общественности переложить на противника ответственность за ее возникновение¹⁸. Для обоснования подобных версий составители всех “цветных книг” совершили шулерские операции.

Так, в МИД Германии уже к полудню 2 августа 1914 г. подготовили “Белую книгу”, в которую не был включен текст телеграммы Николая II Вильгельму II с предложением “передать австро-сербский вопрос на гаагскую конференцию”. Сделанное русской стороной предложение противоречило ключевому тезису германского МИД: в возникновении войны виновата Россия – и о нем предпочли “забыть”. В английской “Синей книге”, как установили исследователи, более 100 из 159 документов опубликованы в сильно фальсифицированном виде: в документах вырезались “неудобные” фразы, иногда дописывались новые, порой соединялись в едином “документе” фрагменты разных телеграмм и даже создавались никогда не существовавшие “документы”.

После окончания войны правительства государств – участников приступили к изданию многотомных публикаций дипломатических документов. Но они, как оказалось, тоже не были безупречны. Первой вышла 40-томная публикация документов МИД Германии. Подготовители этого издания использовали тематический принцип расположения материала, что позволяло отбирать “имеющие значение для темы” и не включать “малозначимые”, с их точки зрения, документы, публиковать документы с купюрами, разрывать их, помещая в разных частях тома, а иногда в разных томах. Этот прием стал очевиден после того, как во Франции издали перевод германской публикации, расположив документы в строго хронологическом порядке.

Опыт многотомных публикаций наглядно показал, что все без исключения документы опубликовать нельзя, а их подборки составляются в соответствии с определенным политическим заказом. По меткому выражению английского историка А. Тейлора,

¹⁶ Блок М. Указ. соч., с. 42.

¹⁷ Там же, с. 43.

¹⁸ См.: *Ерусалимский А. С.* Вопрос об ответственности за войну. – Историк-марксист, 1932, № 1–2.

“ни одно правительство не станет оплачивать издание многотомных трудов из бескорыстной любви к науке”¹⁹. Субъективность выборочных публикаций документов присуща всем подобным изданиям – по военной, экономической истории и т.д. К тому же масштабность изданий из-за необходимости привлечения значительных финансовых средств лишь усугубляет их ангажированность.

Преодоление субъективизированной картины возможно при сопоставлении различных публикаций и на основе совокупности информации о событиях, содержащейся в документах, издатели которых имели заведомо различные цели.

Понятие “объективность” нередко употребляется в значении – беспристрастность, непредвзятость. Русский историк-позитивист Н.И. Кареев утверждал: “Обязанность быть объективным должна сопровождать всю деятельность историка от критики источников до самых отвлеченных обобщений”²⁰. В ходе исследования ученый, по его словам, обязан постоянно следить за тем, чтобы “какие бы то ни было посторонние научным требованиям соображения не диктовали ему приговоры о событиях и отношениях, о людях, о мотивах их поступков, о результатах их деятельности и проч.”²¹. Кареев обозначил три самых вредных, с его точки зрения, разновидности субъективизма ученых, назвав их “незаконными”: конфессиональный, национальный, партийный.

В труде, посвященном истории стран Западной Европы в начале XX в., Кареев дал характеристики главам ведущих западноевропейских держав. Вильгельма II, императора Германии, с которой Россия во время работы автора над книгой вела войну, он описывает как человека самолюбивого, тщеславного, властного, “преисполненного самых авторитарных понятий”. В то же время английские монархи – Эдуард VII и Георг V – под пером члена конституционно-демократической партии Кареева предстают “образцово конституционными” мудрыми правителями²². Так в конкретно-историческом исследовании ученый не смог преодолеть “незаконный”, по собственному определению, субъективизм.

Шансы воссоздать более объективную картину прошлой действительности увеличивает использование в исторических исследованиях междисциплинарного подхода. Историческое знание интегрально: оно охватывает все многообразие общественной жизни.

В монографии “Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней” английский коллега профессор Д. Ливен представил опыт сравнительного изучения Российской, Британской, Османской империй и империи Габсбургов. Понятие “Российская империя” автор трактует расширительно – от вхождения в состав Московского государства Казанского и Астраханского ханств и до распада СССР. В качестве приложения в книгу включена подборка произведений сатирической графики из исследования Э. Фукса “Мировая война в карикатуре”²³. Карикатуры, по замыслу Ливена, дополняют основной текст. То, что автор не договаривает вербально, он сообщает читателю визуально.

Включение в источниковую базу работы письменных и изобразительных материалов требует от исследователя выработки конкретно-проблемного метода комплексного изучения их информации. К сожалению, описания такого метода автор не дал. Но читатель может самостоятельно, на основе тех материалов, которые содержатся в книге, хотя бы отчасти выявить субъективную позицию автора при отборе им источников и попытаться увидеть неиспользованные ученым возможности получения более объективного знания за счет повышения их информационной отдачи.

¹⁹ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958, с. 31.

²⁰ Кареев Н. История (теория исторического знания), изд. 2. Пг., 1916, с. 193.

²¹ Там же, с. 195.

²² Кареев Н. История Западной Европы в новое время. Т. 7. История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914), ч. 1. Пг., 1916, с. 36–37.

²³ Fucks E. Der Weltkrieg in der Karikatur. Erster Band: Bis zum Vorabend des Weltkrieges. München, 1916.

Посмотрим, как в книге сопряжены текст и изобразительный ряд на примере сюжета о Крымской войне. Описанию этого события историк посвятил всего одну фразу: “Твердое намерение остановить неумолимое наступление российской державы лежало в основе решения Британии о начале войны в 1854 г.”. И далее воспроизведено высказывание лорда Г. Пальмерстона о том, что “для наилучшего и наиболее действенного обеспечения безопасности мирного будущего Европы следует отделить от России некоторые из пограничных территорий”. Британский политик утверждал, что и без Грузии, Черкессии, Крыма, Бессарабии, Польши и Финляндии “Россия все равно сможет оставаться огромной державой, но уже не будет иметь такого подавляющего преимущества в случае нападения на своих соседей”²⁴.

Но зато Крымская война отражена в 10 карикатурах – четвертой части всего приложения. И этот визуальный ряд несет большую информацию, чем скупые строки авторского текста. Карикатура – произведение изобразительного искусства, в котором информация зафиксирована в художественно-образной форме. Хорошо понятная современникам, карикатура для нынешнего читателя-зрителя зачастую требует пояснений²⁵. Поэтому извлечь тот познавательный потенциал, который она содержит, можно, зная исторический контекст и понимая специфику сатирической графики. По словам Фукса, карикатура имеет свою лексику и свою грамматику. Она всегда злободневна, пристрастна. Являясь публицистическим произведением, сатирическая графика на языке зрительных образов предлагает определенное толкование и оценку того, что произошло, обращаясь при этом не только к сознанию человека, но, прежде всего, к его эмоциональному восприятию. Карикатуристы разных стран, исходя из политических интересов держав и направленности общественного мнения, давали разные оценки одних и тех же событий.

Ливен, выстраивая изобразительный ряд, в трактовке Крымской войны акцентирует внимание на версии событий, представленной в работах английских художников. Читатель видит Россию в образе огромного страшного медведя в короне, который душил в объятиях тщедушного индюка в феске – Турцию (1853 г.). На другой карикатуре Британия предстает могучим, рвущимся в бой, грозным львом, от одного вида которого русский медведь в страхе ретируется (1854 г.). Когда обозначилось поражение России в войне, медведь изображен убегающим в берлогу, которую затем окружают храбрые союзники-победители: англичанин, француз, сардинец и турок (1855 г.). Так при помощи понятных образов в массовое сознание внедрялась идея – доблестный британский лев, защитник слабых и обиженных, побеждает огромного злого и трусливого русского медведя.

Автор включил в подборку и французские карикатуры, в которых преобладает тема противостояния “культурной” Европы “варварской” России, представленной под карандашом художника в виде грязных, косматых казаков, вооруженных саблями и пиками. На известном рисунке О. Домье казаки поедают... свечи. Такое изображение русских со времени наполеоновских войн культивировалось в Западной Европе, и карикатуристы внесли свой вклад в формирование негативных представлений о России, внедряя его в подсознание современников.

Обратим внимание, что Ливен не включил в составленный им изобразительный ряд известную карикатуру русского художника Н.А. Степанова, посвященную взаимоотношениям союзников, хотя эта карикатура также воспроизведена в книге Фукса. На рисунке видно, как англичанин с мачты корабля наблюдает за мощными укреплениями фортов, защищающих Севастопольскую бухту. Подпись дополняет рисунок его размышлениями: не предоставить ли первый штурм грозной крепости французскому союзнику?

²⁴ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007, с. 417.

²⁵ См.: Голиков А.Г., Рыбаченко И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

Карикатура – своеобразное “зеркало”, отражающее реалии своего времени. Каждое национальное “зеркало” имело известный коэффициент искривления. Чтобы скорректировать искажение, необходимо использовать несколько “зеркал”.

Очевидно, что задачей ученых в поисках исторической объективности должно стать стремление минимизировать собственную субъективность.

Профессор университета штата Миннесота **Т. Волф** (США) в докладе заявил, что поднятые в ходе конференции вопросы носят, с его точки зрения, преимущественно эпистемологический характер. В связи с этим единственный известный ему способ ответить на вопрос о статусе истории состоит в рассмотрении исторических работ в качестве письменных текстов, авторами которых являются люди, воспитанные в определенных культурных традициях. По словам Волфа, когда существует заикленность на изучении такого культурного дискурса, как история, это означает, что имеются многие другие дискурсы, которые помогают людям лучше ориентироваться в жизни. Беспокойство за статус истории, таким образом, можно перевести в плоскость выявления прочих ориентирующих дискурсов и определить, как с ними связана история.

Волф заметил, что его научный подход является продуктом длительной работы в американских институтах высшего образования и, если прибегнуть к метафорам, можно сказать, что в США история занимает особую нишу в дискурсивном ландшафте культурной продукции. История представляет конфигурацию языков, институтов, технологий, интересов и чувств, поэтому аксиомой является факт ее вариативности в зависимости от специфики той или иной страны. А поскольку эти институты и технологии так сильно зависят от национального контекста и потребностей в национальных “историях”, разумно признать в качестве отправного момента, что существуют различные национальные культуры, обуславливающие определенный вид исторического знания.

По словам Волфа, в послевоенное, деидеологизированное и гипертехнологическое время возросла обеспокоенность профессиональных историков в связи с уменьшением их культурного, социального и политического авторитета. Под “историками” он подразумевает ученых, занимающих важные позиции в престижных организациях, обеспечивающих выпуск исторической “продукции”, а именно университеты и исследовательские институты, в которых работают люди, обладающие докторской степенью. Под понятием “авторитет” он понимает способность исследователя выносить суждение о людях и ситуациях, которые, если и не рассматриваются как истина в последней инстанции, то, во всяком случае, близки к последнему слову в той или иной конкретной дискуссии на определенную тему.

Волф считает, что историческое знание в прошлом было отчасти престижным и авторитетным по причине его дефицитности. Вплоть до недавнего времени исторические тексты создавались в результате долгих лет исследований, требовавших большой материальной поддержки от соответствующих организаций. Историки писали книги для публики, понимавшей, что они занимают разные позиции в культурной иерархии и что эти исторические исследования являются наиболее востребованными у образованной части общества. Однако история современности – это история расширения разнообразных, пересекающихся друг с другом иерархий, поэтому знание историков стало всего лишь одним из многочисленных конкурирующих между собой представлений, приобретенных в процессе жизненного опыта. В свое время все эти виды знаний носили дефицитный характер; они дробились на небольшие порции в виде письменных текстов и стараниями престижных и малодоступных организаций, обучающих людей, чьей миссией в жизни должно было стать управление обществом, направлялись различным представителям элит. На протяжении всего XX в. историки, являвшиеся выпускниками организаций, производящих историческое знание, вели довольно спокойное существование до тех пор, пока четко осознавали, чего от них хотят читатели. Применительно к некоторым периодам истории СССР в этом можно усомниться, но в США читающая аудитория была отчетливо представлена образованным слоем элиты, которая воспитывалась для того, чтобы войти в состав “истеблишмента”.

Волф считает, что широкое распространение высшего образования в США изменило этот процесс, поэтому к 50–60-м годам XX в. авторитет историков в большей степени объяснялся деятельностью профессиональных структур внутри академического сообщества, нежели той ролью, которую они ранее играли в институциональном воспроизводстве общества в целом. Авторитет историков зависел от суждений самих историков, а не широкой публики – аморфной и многоликой. Но, вместе с тем, по мере того как все больше американцев училось в колледжах, постепенно, начиная с 50-х годов, стал возрастать спрос на работы, которые можно было бы условно назвать научными трудами, придающими исторический смысл определенной читательской аудитории. Это были исследования, в которых акцент делался не столько на деятельность национальных элит, сколько на историю обычных людей в их повседневной жизни. В таких сочинениях прошлое освещалось главным образом через историю отдельной семьи, этнической или расовой группы посредством понятий, отражавших накопленный и рекомендуемый к изучению исторический “опыт”. И хотя в совокупности эти изменения, наметившиеся в исторической науке, повышали авторитет историков, тем не менее, сохранялся дефицит доверия общества в отношении к исторической науке.

Далее Волф предложил присутствующим перенестись в наши дни, когда ученым грешно сетовать на отсутствие профессиональных дискурсов о прошлом, поскольку они имеются везде, а граница между научными, популярными и фантастическими историями исчезла из-за довольно неожиданного скачка в сферу технологий, в которой “коммуникативное значение прошлого” стало столь же близким, как использование текстового редактора или соединение с Интернетом. В настоящее время количество сегментов для обсуждения тех или иных исторических сюжетов многократно возросло, поскольку находившиеся ранее на заднем плане периферийные субкультуры получили доступ к информационным каналам, равно как и новые сайты постоянно создаются в угоду запросам отдельных групп общественности, заинтересованных в поисках людей со сходными интересами.

Новые технологии упрощают общение и расширяют круг возможных дискурсов на самые разнообразные темы. С известной долей преувеличения, можно сказать, что в настоящее время ученые достигли такого уровня в развитии науки, когда прошлое видится во всех ипостасях человеческого бытия, потому что оно повсюду – как контекст, объяснение, место действия, рациональная мотивация происходящего, продолжительность рассматриваемого явления, памятники культуры и т.д. Если говорить вкратце, то, по словам Волфа, мы должны отдать должное современным научным технологиям, облегчающим массированный ввод в информационное пространство огромного объема исторических источников и исследований о техносociальной окружающей среде, которая сформировалась вокруг ученых на протяжении ушедшего десятилетия.

По мнению Волфа, в повседневной жизни легко найти этому многочисленные примеры. Очевидно, можно начать с телеканала “History Channel” и отметить, что он стал “форматным” и транслируется в разных частях света. Теперь в США есть два национальных и один европейский исторический телеканалы. “History Channel” перестал быть местом исследований престижных создателей культурной продукции, аккредитованных при наиболее уважаемых организациях интеллектуалов. Он стал местом, где фанаты, энтузиасты и приверженцы различных идей представляют историю на внешне захватывающем, но чаще всего удивительно простом языке. Эта разновидность истории на “History Channel” звучит самые разные предположения и гипотезы, которые приобретают оттенок правдоподобности с помощью такой формы дискурса, как “заключение эксперта на основе тщательно собранных данных”. Их выводы не только подвергают сомнению пока еще слабо сформулированные исторические гипотезы ученых, но порой разносят их в пух и прах, как это не раз бывало, когда программы специализирующегося на истории телеканала сообщали якобы последние данные о том, как древние народы научились технологиям от “древних астронавтов”. Эти телепередачи внедряются в информационное поле истории, нарушая при этом здравый исторический смысл.

Руководство канала “History Channel” прямо заявляет, что его передачи посвящены “истории”, но объективные передачи о прошлом существует и на других каналах, в частности, на канале Культура. Возьмем такой пример: невозможно, чтобы какой-либо американский политик, выступая с речью перед избирателями, не представил проблемы дня сегодняшнего в контексте прошлого. Каждый политик обязан не только рассказывать об истории страны и указывать на то, кто был героем, а кто злодеем, но и выстроить исполненную трагедии и героизма сюжетную линию, в которой он призван стать спасителем нации. Американские политики не соответствуют сложившимся западно-европейским канонам государственного деятеля, как своего рода высоко квалифицированных профессионалов; они – скорее проводники идеи американского мессианства для всего мира.

Волф заявил, что ученые постоянно возвращаются в усложняющейся дискурсивной среде, которая содержит аргументы, свидетельства и мнения о прошлом. Неудивительно, что теперь сложно употреблять слово “профессионал” применительно только к историкам, работающим в академической среде. Существуют разные специалисты в области истории, к которым люди обращаются за тем, чтобы они за определенную плату оценили точность тех или иных фактов, предоставили свидетельства в пользу той или иной точки зрения в споре и, тем самым, восстановили историческую истину. При таком подходе авторитеты ниспровергаются, так как отсутствует сама собой разумеющаяся культурная иерархия, которая может их поддерживать. Авторитет академических историков простирается не далее порога лекционной аудитории и страниц журналов, выходящих тиражом в 600 экземпляров. В глазах ученых вся остальная культурная продукция часто содержит заблуждения, является неполной или просто-напросто ошибочной.

Волф подчеркнул, что в такой атмосфере не слишком приятно находиться, ощущая себя единственным гласом истины, вопиющим в пустыне ошибок. Именно поэтому имеет смысл объединиться с другими учеными в исследовании прошлого. С его точки зрения, это не только устранил главный источник профессионального беспокойства, но и позволит обратиться к решению важнейшего для ученых вопроса: как определять вектор политики, оказывающей влияние на развитие университетов в последующие десятилетия? Он не желает видеть университет лишь как пристанище недовольных ученых, в идеале учебное заведение, по его мнению, должно стать местом, где ведутся различные исследования не только относительно явлений и идей, но также и о самом обществе, с которым они соотносятся. Волф не хочет, чтобы университет имел вид устаревшего монастыря, отгороженного от остального общества, где ученые-монахи ищут ответы на спорные вопросы вроде того, сколько ангелов могут танцевать на булавочной головке. Университет со всеми отделениями и факультетами должен стать более открытым и щедрым, помогая формировать мышление студентов не с помощью опровержения авторитета научных дисциплин, а быть местом личного и коллективного самоусовершенствования. По мнению Волфа, какими бы ни были наши конкретные исследования, поиск объективного знания должен быть, так или иначе, направлен на одну цель: помочь людям понять, как изменить свою жизнь к лучшему.

В.А. Тишков отметил, что проф. Волф поднял важную проблему о роли исторического знания в ощущении преемственности жизни, как человека, так и общества. И то, что в США, где история государства началась в том же году, что и история Большого театра в России, а именно в 1776 г., так много ресурсов вкладывается в изучение прошлого, в его интерпретацию, в распространение этих знаний, – является важным и интересным опытом для России.

Д.п.н. Ал.А. Громыко, заместитель директора Института Европы РАН, заявил, что в ходе дискуссии подняты практически все фундаментальные вопросы исторической науки. И действительно, является ли история субъективной наукой и наука ли она вообще? Могут ли в принципе исторические исследования быть объективными? Существует ли история как целостное научное пространство или хотя бы как однородные исторические школы, а может быть, история – это мозаика мнений отдельных ученых, осознание

или мышление каждого из них это – мозаика сама по себе? При попытке ответить на эти вопросы на помощь приходит не что иное, как методология истории. Другими словами, стремление выработать хотя бы общие подходы к историческим исследованиям, т.е. речь может идти о поиске инструментария исторических исследований. Однако, по словам докладчика, если существует один и тот же набор инструментов, то намного сложнее с их помощью мастерить совсем не похожие друг на друга продукты труда.

Громыко отметил необходимость рассматривать исторический процесс как неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего. В качестве примера он сослался на современную Европу, являющуюся продуктом истории, которая насчитывает несколько тысяч лет. Но, похоже, что порой европейские мыслители и историки настолько одержимы будущим, что стараются забыть о прошлом. Для многих история нынешней Европы началась с начала XX в., а то, что было раньше – это артефакты, заслуживающие упоминания лишь в учебниках или в специальной литературе. Например, в отношении Евросоюза даже немногие евроэнтузиасты еще помнят о том, что фундаментальной целью создания этой организации по замыслу ее “отцов – основателей” было установление в Европе вечного мира, но чтобы понять смысл этого замысла, без истории не обойтись.

Громыко задался вопросом, действительно ли не лучше применительно к Первой или Второй мировым войнам взять и перевернуть эту страницу истории Европы, чтобы не будоражить сознание молодых европейцев. Но, по его же словам, дело в том, что события тех лет не стали и не могли стать только историей по той простой причине, что чистой истории в принципе не бывает. Кроме того, историкам нельзя мириться с попытками искажения исторической правды. Историческая наука, вопреки расхожему суждению, не служанка политики, в то время как политика не одно и то же, что политиканство. Не может быть своей исторической правды у каждой страны, поскольку тогда это будет не правда, а мифология, в лучшем случае, некий осколок истины. В мифологии нет ничего плохого, но путать ее с историей не стоит.

Второе замечание выступавшего касалось необходимости учитывать национальную ментальность при оценке тех или иных исторических школ. Так, исторические исследования в Великобритании традиционно отличаются эмпиризмом и склонностью к предметности, и об этом было сказано проф. Ливеном. Английскому воображению в целом свойственны устремленность на решение текущих задач и вдохновенность не будущим, даже не настоящим, а прошлым. И кажущееся английское пренебрежение будущим свидетельствует об уверенности в нем, при этом уверенности, покоящейся на доверии к прошлому.

С точки зрения Громыко, русскому человеку есть чем гордиться в своей истории. В ней было немало взлетов и подлинных побед. Но все-таки так сложна и неоднозначна была эта история, что прошлое в массовом сознании русских и россиян все-таки не стало тем отправным пунктом, отталкиваясь от которого взвешиваются все за и против необходимости перемен. Трудно судить, что лучше – жить на базе прошлого, не беспокоясь о будущем, или – жить в предвкушении будущего, стремясь изменить свое прошлое? Но сложилось так, что первое до сих пор характерно для Великобритании, а второе – для России. В российской истории обыденно стремление русского человека убежать от своего настоящего и прошлого и обрести свое счастье в будущем. Для британца настоящее – это, как правило, продолжение прошлого, а для русского это предтеча будущего. Для одного это надежда на то, что все сохранится, как есть, а для другого, что все переменится.

С точки зрения Громыко, несомненную ценность приобретает метод медленных историй, особенно с точки зрения цивилизационных исследований. Для цивилизации чрезвычайно важно наличие истории, уходящей своими корнями в глубокие исторические пласты. Используя терминологию школы Ф. Броделя, история цивилизаций – это медленная история, история структур, т.е. устойчивых исторических реальностей, ритм изменения которых измеряется не годами, не десятилетиями, а столетиями²⁶. И с этой

²⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм, XV–XVIII вв. М., 2006.

точки зрения суть медленной истории не сводима к истории дипломатической, политической, социально-экономической или какой-либо другой, это – лишь главы в истории цивилизаций.

И последнее, о чем упомянул Громыко, касалось понятия исторического контекста и метода погружения в историю. Им был приведен личный пример, связанный с часто задаваемым ему вопросом: «Почему в двухтомнике воспоминаний его деда, А.А. Громыко, под названием “Памятное”, отсутствуют какие-либо сенсации или нераскрытые секреты того времени?» Докладчик считает, что если встать на позицию человека, который написал этот двухтомник, то ждать от него сенсаций было бы равносильно тому, чтобы услышать чертыханья на проповеди Папы Римского, т.е. требовать от книги советского министра и члена Политбюро ЦК КПСС, чтобы по бойкости она была бы похожа на детектив-бестселлер, это значило бы делать заказ на книгу, полностью выдернутую из исторического контекста. С точки зрения докладчика, читая любой труд по истории, ученым, скорее всего, следует подходить к нему не с мерками сегодняшнего дня, а стараться встать на позицию того человека, который его писал, стараться понять тот исторический контекст и погрузиться в ту историческую эпоху, о которой идет речь.

В.А. Тишков отметил, что Ал.А. Громыко напомнил всем присутствующим о важности контекста в исторической науке. В этой связи он рекомендовал докладчику поступить точно так же, как другой внук известного государственного деятеля. Речь идет о проф. В.А. Никонове, написавшем фундаментальную биографию о своем деде В.М. Молотове. По мнению Тишкова, в новом сочинении внук может сделать то, что не удалось сделать его деду в известных мемуарах “Памятное”, используя все возможные документы и ту степень свободы, которой историки располагают в настоящее время.

Почетный профессор университета Виттен/Хердеке **Й. Рюзен** (ФРГ) заявил, что вопрос об истине всегда был основным для исторической науки. С самого начала он поднимался и обсуждался в наиболее парадигматических образцах историографии. Например, Геродот начал свою “Историю”, которая положила начало западной историографии, с рассуждения на тему о достоверности греческих и персидских источников относительно причин греко-персидской войны. Фукидид обвинял Геродота в том, что тот, отображая события прошлого, уделил недостаточное внимание важному правилу изложения эмпирических данных. В историографии эта прослеживаемая на протяжении долгого времени тенденция изображения истории привела к знаменитым словам Леопольда фон Ранке, направленным против предшествовавшего историографии Нового времени научного подхода по использованию элементов художественного вымысла. Он писал о том, что хотел показать события “так, как они произошли на самом деле”.

Утверждение исторической науки как академической дисциплины происходило параллельно с новыми, настойчивыми претензиями на объективность исторического знания, основанного на эмпирическом изучении по правилам определенной методологии. С самого начала и впоследствии история заявляла о себе как о “науке”. Образцом такого подхода может служить изданная в 1752 г. книга Й.М. Кладениуса “Всеобщая наука истории”²⁷. В течение долгого времени профессиональные историки были глубоко убеждены в том, что они могут представлять объективное знание, поскольку сам факт опоры историографии на изучении источников придавал ей объективность. Однако эта претензия на объективность всегда подвергалась радикальному сомнению.

Историческая наука никогда не могла отвечать строгой объективности наук естественных, а после так называемого лингвистического и нарративного (повествовательного) поворота к истории ментальностей, она оказалась под угрозой потери своего академического статуса. Сегодня главным вопросом метаистории является повествовательная форма, которую имеет историография. Благодаря этой форме историческое мышление очень близко подошло к литературе, и традиционная претензия на достоверность путем изучения перестала внушать доверие. Повествовательная форма стала считаться несовместимой с понятием истины. Таким образом, состояние исторической

²⁷ *Kladenius J.M. Allgemeine Geschichtswissenschaft. [Leipzig, 1752]. Wien, 1985.*

науки на сегодняшний день характеризуется тем, что, с одной стороны, существует глубокая пропасть между убежденностью профессиональных историков в том, что они могут обосновать надежное историческое знание, а, с другой, присутствует отказ историографии от каких-либо претензий на истину и замена их эстетическими и риторическими принципами отображения прошлого человечества.

В своем выступлении Рюзен постарался преодолеть эту пропасть и показать, что можно сохранить достигнутую глубину повествовательной структуры исторического знания, не отказываясь от претензий на истину, обуславливающей академический характер исторической науки. По его мнению, прежде всего, стоит прояснить вопрос о том, как прийти к исторической истине. Стратегия аргументации должна быть следующей: от общих принципов формулирования исторического смысла надо переходить к особенностям исторической науки как академической дисциплины. Однако что же такое формулирование исторического смысла? Это сложное взаимодействие мыслительной и духовной деятельности, иными словами, интерпретация прошлого для того, чтобы понять настоящее и выстроить перспективы на будущее с учетом опыта прошлого. Результатом этих видов деятельности является историческое повествование, которое сообщает людям, кто они, и какое место они занимают в жизни по мере течения времени.

Рюзен прямо ставит вопрос о том, что есть истина? Чтобы ответить на него, он выработал критерии формулирования смысла в человеческой культуре, использование которых делает правдоподобными любые утверждения, направленные на раскрытие смысла мира, человеческого “Я” и его отношений с другими людьми. Вопрос об истине – это вопрос о коммуникации; он делает приемлемыми интерпретации и определяет дискуссию о том, нужно ли следовать культурным ориентациям в своей жизни, нужно ли их отвергать или изменять в соответствии со своим жизненным опытом, потребностями и интересами. Следовательно, истина – это многообразный вопрос о правдоподобности всех утверждений, которые направлены на все эти явления. В соответствии с различными связями между человеческим сознанием, духом и различными феноменами можно выделить различные типы обоснованности в утверждениях, относящихся к этим явлениям.

В числе наиболее важных претензий на истину в культурной ориентации мира людей докладчик выделил следующие виды истины:

эмпирическая истина делает утверждения правдоподобными, проверяя их по отношению к опыту;

теоретическая истина делает утверждения правдоподобными тем, насколько они способны давать объяснения. Обе эти разновидности претензий на истину систематически не связаны между собой. Их единство в познании, опирающемся на опыт, определяет научную истину;

практическая истина основывается на нормах и ценностях, которые выражают идею “хорошего”;

врачебная истина в медицине направлена на то, чтобы сохранить здоровье;

стратегическая (полемиическая) истина направлена на достижение победы;

технологическая истина основана на принципе осуществимости;

политическая истина – это принятие господства и власти в делах между людьми, при этом докладчик назвал ее легитимностью;

эстетическая истина относится к тому, как оцениваются произведения искусства. Традиционно она объясняется таким основополагающим принципом, как “дело вкуса”;

риторическая истина направлена на убеждение;

религиозная истина направлена на искупление или спасение.

По словам Рюзена, представленный им список носит неполный характер, так как системная взаимосвязь различных претензий на истину носит чрезвычайно сложный и динамичный характер. В основном они выступают в смешанном виде, что важно для понимания того, что истина значит для исторического мышления. По его словам, различные взаимосвязи сами обладают разными претензиями на истину; в этом смысле ученые могут говорить об изображении истины на промежуточном уровне. Иерархия –

пример такой промежуточной правды. В соответствии с взаимосвязями всех претензий на истину, промежуточная истина, как не противоречащая каждой из них, играет важную роль.

Важнейшая претензия на истину – та, что указывает на смысл человеческой жизни. Истина должна иметь значение, и она имеет его, если помогает жизни (“полезна для жизни”). Человеческая жизнь всегда представляет собой нечто большее, чем просто биологический процесс, но, как указал Аристотель, всегда надо следовать намерению вести “достойную” жизнь. Т. Джефферсон в “Декларации независимости” выразил это культурное качество человеческой жизни как “стремление к счастью”. Отсюда высший принцип культурной истины заключается в том, что она делает жизнь человека хорошей и счастливой. Применительно к историческому мышлению истину можно определить как совокупность регулятивных принципов, согласно которым, путем взаимного общения, претензии на истину можно выражать, обсуждать, принимать, отвергать и изменять.

Рюзен поднял вопрос и о том, какие претензии на истину управляют историческим повествованием? По его мнению, четыре главные претензии на истину важны для понимания особенностей исторической науки: в их числе – эмпирическая, теоретическая, практическая и повествовательная.

Рюзен поставил вопрос о том, что определяет историческую науку как академическую дисциплину (науку в строгом смысле). Ответ его таков – наука определяется методом, иными словами, истину можно постичь с помощью метода. В числе его трех главных характеристик он назвал:

возможность проверить связь утверждений с эмпирическими данными. Это дает “объективность”;

концептуализация языка и теоретические обобщения. Это дает межсубъектность;

дискурсивный характер аргументации. Это придает познанию открытость и динамичность.

По мнению Рюзена, все эти характеристики верны для всех наук, включая историю. Особенность истории как науки состоит в методологической процедуре изучения. Изучение – это процесс познания, которым руководят общепринятые правила. Он состоит из эмпирических данных прежнего знания о том, какие изменения произошли во времени, и придает этим изменениям форму повествования. Рюзен считает, что можно выделить три стадии познания и его методологические правила: во-первых, эвристика (формулирование исторических вопросов согласно намеченным целям и интересам познания, а также уже имеющемуся объему знаний; открытие релевантных данных); во-вторых, критика (накопление достоверного знания о том, что, где и почему произошло) и, в-третьих, интерпретация (объяснение событий в соответствии с последовательным течением времени). В качестве последствий изучения, основанного на познании, докладчик выделил объективность и межсубъектность исторического мышления.

В конце своего выступления Рюзен сформулировал свое понимание того, что представляет историческое исследование. По его мнению, это – специфическое проявление общей ментальной процедуры осмысления прошлого посредством изложения того, что произошло. Во время изложения прошлого при помощи методов исторического исследования критерии достоверности отображаются в специфической форме, в которой сама история наделяется избытком объективной реальности. Эта специфическая форма реализуется и действует в качестве метода. Особенность изучения истории как научной дисциплины и последствия исторического знания и познания определяют суть систематического мышления. При таком определении история обладает специфическими чертами всех наук и отвечает всех их критериям. Но, тем не менее, ее специфическая форма повествования существенно отличается от других форм научного мышления и аргументации.

Исторический метод – это тройной шаг, направленный на получение достоверного знания о прошлом: эвристика открывает область доказательств; критика добывает информацию из реликвий прошлого; а объяснения распределяют эту информацию согласно строго определенной последовательности событий. Истина исторических утвержде-

ний как результат методически разработанного исследования может быть определена как объективность в отношении эмпирической и теоретической правдоподобности исторических заявлений. Она может быть описана как интересубъективность по отношению к нормативной и описательной правдоподобности исторических заявлений. Обе вместе они и составляют историческую правду.

Исторические исследования связаны с практической жизнью человека, которая определяет их основные проблемы, исходя из потребностей человеческой жизни для временной ориентации. Знание, полученное в ходе этих исследований, может быть применено на практике и выполнять функцию исторической культуры самих историков. Внутренняя логика исторического мышления направлена или, по крайней мере, обусловлена функцией ориентации. Одним из наиболее важных вопросов исторической ориентации является идентичность тех людей, кому адресованы эти исторические источники. Способность исторических работ обеспечить объективность и интересубъективность исторического знания несет потенциал огромного влияния на сохранение исторической памяти и процессы формирования идентичности. В этом и заключается шанс по преодолению ограничений и напряженности этноцентризма и гуманизации элементов исторической культуры своего времени.

Вступивший в дискуссию **С.П. Карпов** сказал, что ему очень понравилась предложенная Рюзеном классификация элементов исторического познания, потому что она позволяет с разных сторон междисциплинарно подойти к этой проблеме. Он заявил, что именно в этой междисциплинарности и заключен основной конструктивный пафос подхода к теме. Вместе с тем Карпов обратил внимание и на иные вопросы, прежде всего, на то, что поиск истины и поиск достоверности реалий – разные вещи. Поиск истины субъективен, содержит в себе большой морально-этический компонент. В отличие от математики, в истории часто может быть не одна “истина”, а несколько, которые объективизируют процесс с разных сторон, зависят от взглядов и позиции самого историка, его политической ориентации, философских представлений, наконец, житейского опыта, а также от умонастроения и позиции общества, социальных групп, к которым он принадлежит. Абсолютная Истина – труднодостижимая цель познания, скорее предмет Веры. Предмет истории – установление достоверности. Именно поэтому, с его точки зрения, стремясь к объективизации, стоит, в первую очередь, обратиться к поиску реалий, реконструировать прошлое, четко отделяя точно установленное от предполагаемого.

Во-вторых, Карпов оспорил тезис Рюзена о том, что вначале должен быть вопрос, а не источник. Можно задавать какие угодно вопросы, но если ответы на них не имеют опоры в источниках, они лишены достоверности. Логичнее, когда прочтение источника порождает вопросы, а вопросы заставляют искать все новые и новые источники.

Продолжая разговор о вопросах и об источниках, Карпов заявил, что он не имел в виду, что все эти вопросы не имеют смысла. В некоторых случаях ученые используют арсенал и терминологию других наук для описания исторических явлений, терминологию социологии, например. И иногда мы задаем вопросы, которые не могут быть решены в рамках используемого источника. И тогда ответы не достоверны и вопросы не имеют смысла. Должна быть взаимосвязь между источником и вопросами к нему. И надо иметь мужество сказать: “Этого мы не знаем, и установить не можем”. Зыбкок фундамент. Ведь нередко из чистых предположений и надуманных гипотез, не основанных на достоверных фактах и домыслах, рождаются опасные химеры общественного сознания.

В свою очередь, **В.А. Тишков** отметил, что для российской научной общности большая честь принимать такого выдающего ученого в стенах университета. Он рассказал, что, будучи год назад на всемирном конгрессе историков в Амстердаме, старался не пропускать те сессии, на которых выступал Рюзен. Под впечатлением выступлений немецкого теоретика Тишков написал брошюру о новой исторической культуре, в которой несколько раз цитировал его слова. Он предложил Рюзену написать работу, которая могла бы быть переведена на русский язык и издана как краткий учебник или введение в метод исторического знания. Тишков подчеркнул, что у нас есть фундаментальные работы по методам исторического исследования, но такого теоретико-фило-

софского взгляда, очень широкого и понятного, важного и современного нам не хватает. По его словам, единственный закон в истории – это открытость, многовариантность исторического процесса и возможность схоластики, т.е. непредвиденных последствий действий, как отдельных людей, так и некоторых коллективов. Тишков заявил, что ученым следует обращать внимание на роль проектной деятельности людей, когда отдельные одиночки, такие, как Петр I или советские люди сообща, осваивавшие целину, осуществляли грандиозные проекты в истории. И эта проектная деятельность, заранее спланированная, на основе какой-то идеи, заслуживает того, чтобы о ней можно было размышлять и ее учитывать.

* * *

В начавшейся дискуссии выступавшие изложили свое представление о природе исторического познания, высказав при этом разные, а порой и противоположные, точки зрения. Модерировавший эту часть пленарного заседания академик С.П. Карпов первым предоставил слово профессору истфака МГУ д.и.н. А.Ю. Андрееву.

А.Ю. Андреев заявил, что вопрос об объективности исторического знания эквивалентен вопросу о признании истории наукой, равноправной в ряду других гуманитарных и естественных наук. Представление о равноправии и взаимосвязи между собой всех университетских наук окончательно сформировалось в начале XIX в. Достаточно вспомнить о таких классических работах, как трактат И. Канта “Спор факультетов” (1799) и “Лекции о методе академического обучения” Ф.В. Шеллинга (1803), где было четко прокламировано существование научного единства, единых принципов познания мира, по отношению к которым каждая отдельная научная область, будь то медицина или филология, история или физика, являются частными приложениями этих общенаучных принципов к различным объектам познания.

Прошедшие с тех пор два столетия показали, что история накопила в своем багаже не меньше научного инструментария, специфических методов, чем любая другая гуманитарная или естественная наука. С помощью этих методов было добыто огромное количество эмпирического материала о деятельности людей в прошлом и создано немало концепций, отражающих социальные, личностные и прочие уровни организации человека былых времен. Построение таких концепций может быть вполне объективно в том же платоновском смысле об объектах науки: ведь никто никогда не видел и не ощущал просто газ, или твердое тело, или даже протон – все они являются в чистом виде идеальными объектами, однако физическая наука пользуется именно такими идеальными понятиями для познания реального мира. Точно так же ничто не мешает рассуждать о “монархии” или об “университете” как идее – идеальном типе, при этом соотнося тот или иной тип с его реализацией в конкретно-исторических условиях.

А.Ю. Андреев отметил, что всегда существовали, а в последнее время значительно обострились в исторических исследованиях и такие тенденции, которые, если их последовательно реализовывать, приводят к отказу истории от своего научного статуса. Он назвал общее свойство этих исследований: все они стартуют с заявления о необходимости пересмотра существующей историографии по данной теме, поскольку эта историография “устарела”, а ее авторы делали “неправильные выводы” и т.д. Такой демонстративный разрыв с предшествующей научной традицией, встречающийся в современных исследованиях по истории, вряд ли возможен в других науках. По крайней мере, с точки зрения физика довольно смешно бы звучало, если заявить, например, что три закона динамики Ньютона устарели по сравнению с системой динамических уравнений Лагранжа – напротив, в рамках классической механики последние являются естественным развитием первых, опираются на них, давая при этом более богатую методику для анализа. Именно поэтому в особенности для естественных наук, но также и для гуманитарных наук, в порядке вещей – опираться на труды предшественников, использовать их результаты, развивать их подходы, чтобы уже самостоятельно получать новые результаты. Следовательно, работа, в которой декларируется разрыв с предшествующей историографией (или, что реже, утверждается ее полное отсутствие), сразу же

оказывается в пограничном поле между наукой и чистой “публицистикой”. Это усугубляется ключевым приемом авторов, с помощью которого достигается желанная “новизна”: реинтерпретация фактов.

В качестве примера Андреев остановился на области собственных исследований – истории российских университетов. На рубеже XX–XXI вв. здесь появились несколько “новых интерпретаций” истории отечественного университетского образования²⁸. В работах самого недавнего времени укрепился тезис о том, что материалы по начальному периоду истории российского высшего образования, вплоть до начала 1830-х годов, оказывается, были сознательно сфальсифицированы министром народного просвещения С.С. Уваровым. По его приказу уничтожались многие тысячи дел в центральном и местных архивах министерства народного просвещения, которые не укладывались в “уваровскую концепцию” развития университетов в России в соответствии с триадой “православие – самодержавие – народность”. Следовательно, изучение российских университетов вплоть до сегодняшнего времени воспроизводит эту “уваровскую концепцию”, и, чтобы освободиться от нее, необходимо порвать с историографической традицией. Как реагировать на подобные высказывания? Во-первых, можно, и, наверное, просто необходимо “ловить за руку” этих авторов, в работах которых, обыкновенно, масса фактических ошибок, иногда даже на уровне элементарной безграмотности в области, которую они берутся описывать, неумения правильно прочесть исторический источник и т.д. Однако сила и притягательность “реинтерпретации” в том и заключается, что даже конкретные доказательства низкой квалификации автора все равно не спасают потом от слабого сомнения – а вдруг, “в этом что-то есть”?

По мнению А.Ю. Андреева, важно понимать, что же подвигает авторов к их “новым интерпретациям”. Как правило, за этим стоят весьма старые и известные идеологии. Так, за рассуждениями об “особом русском пути” университетов, творцом которого якобы был Петр I и который был проложен “высшим государственным разумом” как “главным фактором развития университетов, неизвестным на Западе” – за всем этим стоит избитый “националистический” подход к описанию истории, в том числе университетской (где он встречался еще в XIX в.), при котором российские университеты рассматриваются изолированно от остальной Европы, а все отечественные явления имеют высший приоритет по сравнению с зарубежными институтами. Подход этот явно ориентирован на использование в современном государственном аппарате, и об этом дополнительно говорит возвеличивание Петра I и Петербурга, вытекающее из политической конъюнктуры момента.

Что же касается требований освободиться от “уваровской концепции”, то и здесь обличение Уварова как изоляциониста, творца известной триады и “создателя полицейского государства в России” коренится еще в очень давних высказываниях историков XIX в., которые с легкостью помогают некоторым сегодняшним историкам соответствовать “квазилиберальному” реноме. То, что в действительности фигура николаевского министра была гораздо сложнее и глубже, их не интересует. Гораздо удобнее оседлать также находящуюся в весьма почтенных летах, но не теряющую популярности “теорию заговора”. Ведь как удобно писать книгу, утверждая, что все предшествующие историки имели дело с умышленно искаженными источниками! При таком взгляде на вещи даже ввод в оборот новых текстов, обращение к архивам не спасает: перед автором уже сияет заранее готовый ответ, а все архивные документы тогда – не более чем отдельные иллюстрации к нему! В подавляющем большинстве случаев “реинтерпретаций”, несмотря на использование архивных источников, никакого их действительного нового, комплексного осмысления не происходит. Вот уж, поистине, авторы “за деревьями не видят леса”! Андреев предложил изучать исторические процессы, идеи, типы, взаимосвязи, отказываясь от попыток в очередной раз переинтерпретировать известные события и факты под новым “идеологическим соусом”. Изучая исторические процес-

²⁸ Подробнее см.: *Андреев А.Ю.* О “новом прочтении” истории российских университетов. – Высшее образование в России, 2009, № 3, с. 149–159.

сы, необходимо стремиться понять и отдельного человека, что, безусловно, является субъективным актом историка, но его максимальная добросовестность и профессионализм должны служить залогом того, что эта субъективность не выведет за пределы научного поля.

В заключение А.Ю. Андреев еще раз отметил, что, хотя современная философия постмодернизма красиво называет реинтерпретацию исторических фактов “деконструкцией”, но суть от этого не меняется – налицо намеренный отказ от научности, по крайней мере, в том ее виде, как она формулировалась последние два столетия. Никакой “новой научности”, с его точки зрения, за этим не просматривается, а есть лишь желание, и даже оправданная возможность для некоторых историков служить текущей конъюнктуре (в самых разнообразных ее проявлениях). В конечном счете, Андреев выразил надежду, что история как единый научный процесс все-таки останется “живой” и преодолеет очередные испытания.

Д.и.н., проф. **В.В. Согрин**, руководитель Центра североамериканских исследований ИВИ РАН, главный редактор журнала “Общественные науки и современность”, заявил, что современная история идентифицирует себя как историографическую культуру, которая разделяется на несколько субкультур, неравнозначных с точки зрения приближения к исторической истине. Наиболее значимыми, с его точки зрения, представляются три исторические субкультуры: во-первых, *научная академическая субкультура*, сформулированная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев историописания; во-вторых, *государственно-политическая субкультура*, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа партийными публицистами и идеологами в соответствии с запросом той или иной общественно-политической группы, куда включены исторические учебники; в-третьих, *народная субкультура*, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Последние две субкультуры имеют мизерные шансы приближения к исторической истине. Наибольшими шансами располагает научно-академическая историографическая субкультура, но и она подвержена идеологическим деформациям, преодоление которых является одним из главных условий ее превращения в объективную историю.

Взаимодействие историографии и идеологием, по видимому, неустранимо, но профессиональный историк должен, по мнению Согрина, осознавать наличие этих идеологов, стремиться максимально освободиться от их влияния. В отношении идеологов предпочтительно занимать позицию эксперта, а не рецепиента. Одним из надежных противоядий от идеологической зависимости был и остается историзм – оценка исторических явлений и изменений в контексте исторических обусловленностей и возможностей изучаемой эпохи и страны. Привлекая при оценке того или иного исторического явления всю совокупность доступных профессиональному историку фактов, важно искать и находить точную меру заключенных в них противоречий, антиномий, дихотомий, неоднозначных нюансов и оттенков. Идеологема же диктуют историку черно-белое восприятие прошлого, манихейское разделение его на “добро” и “зло”.

В.В. Согрин отметил, что следующее важное условие, позволяющее исследователю приближаться к исторической истине, в свое время было блестяще сформулировано Б.Ф. Поршневым: “Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени, – не историк, он знаток старины, и не больше: историк только тот, кто, хотя бы и рассматривал в данный момент под исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем этом процессе”²⁹. Постигание исторической истины будет только углубляться, если исследователь осмыслит изучаемое явление в максимальном количестве разнообразных контекстов и при помощи самого объемного теоретического и методологического инструментария. Сегодня в этом инструментарии одно из главных мест займет междисциплинарная методология, почерпнутая из теоретического анализа разнообразных социальных и гуманитарных

²⁹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 95.

дисциплин – социологии, политологии, антропологии, лингвистики и т.д. Разработки современных общественных наук являются теоретическим подспорьем для постижения сущностных характеристик прошлых эпох, но, ни в коем случае, не их матрицей. Категории и модели междисциплинарной методологии так же, как и традиционной историографии сродни скорее веберовским идеальным типам, но отнюдь не “железным” законам истории”.

По словам В.В. Согрина, среди современных исследовательских приемов, способствующих приближению к исторической истине, особое значение имеет перманентный мысленный диалог со всеми исследовательскими историческими школами, в том числе (и даже особенно) с оппонентами. Суждения оппонентов важно воспринимать как вызов, который в качестве ответа предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонировавшей школы. Согрин проиллюстрировал данный тезис на примере отношения многих современных историков к постмодернизму. Эта современная разновидность научной методологии вызвала развернутую критику со стороны практически всех российских историков по той очевидной причине, что в своих крайних выражениях означала отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности. Тем не менее, важно видеть наличие в позиции постмодернистов рационального начала.

Мэтр постмодернизма Х. Уайт в его известной (на взгляд ряда критиков даже скандальной) книге “Метаистория”³⁰ доказывал, что у истории, в отличие от естественных наук, “нет единого языкового протокола”, т.е. общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, по сути – репрезентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи. Зададимся вопросом: разве в этой критике нет рационального упрека? При ознакомлении с работами современных российских историков (это же касается и зарубежных авторов) нетрудно обнаружить, что в них зачастую присутствует произвол в использовании многих понятий, терминов, ключевых слов, не говоря уже об обыденном языке. Нет никакого единства даже в понимании наиболее часто используемых и модных сегодня понятий, например, таких, как парадигма, дискурс, концепт, архетип, цивилизация. Каждый историк вкладывает в них тот смысл, который удобен ему самому. В использовании обыденного языка возрастает удельный вес как слов-паразитов, так и того, что в научной среде называется “водой”.

Так что критика и вызов постмодернизма носят рациональный характер. Ответ со стороны тех, кто отстаивает право истории быть объективной и научной, заключается в упорядочении используемых понятий, терминов, категорий, достижении единства в определении их смысла, как и, конечно, в оттачивании обыденного языка. Подобная рациональная реакция необходима и во взаимоотношениях со всеми иными оппонировавшими школами. Ответ им должен заключаться не только в оспаривании ненаучных положений, но и в учете рациональных суждений при совершенствовании и развитии исторического знания. В этом случае, с точки зрения Согрина, у истории возрастают шансы становиться более объективной и научной.

Д.и.н. **М.А. Бойцов**, истфак МГУ, заявил, что любые используемые учеными термины существуют не сами по себе: слова тоже историчны, поскольку они рождались в определенном философском (общемировоззренческом, политическом и проч.) контексте и их нельзя просто так изъять. Напротив, выбирая ту или иную терминологию, историки актуализируют и связанную с ней систему взглядов. Противопоставление “объективного” знания (оцениваемого высоко) “субъективному” (оцениваемому как некоторым образом ущербное) основано на противопоставлении “познающего субъекта” “объективно существующему бытию”. В XIX в. на нем многое строилось, но российским историкам оно лучше всего знакомо по марксистскому “основному вопросу философии” и следовавшему за ним ответу. Из этой пары “вопрос – ответ” вытекал и постулат о сознании, которое “отражает, копирует, фотографирует объективную реаль-

³⁰ Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

ность”. Стоит только допустить, что познающее сознание в известном смысле само творит объект своего познания, хотя бы тем, что накладывает на него сетку своих понятий и описывает его с их помощью (а на этом взгляде построены едва ли не все заметные философские и общегуманитарные течения XX в.), как заслуженное противопоставление “объективного” “субъективному” начисто утрачивает былой смысл.

С точки зрения Бойцова, любое знание создается в человеческом мозгу, а потому оно по определению субъективно. Объективным оно может быть только тогда, когда существует в виде платоновских идей или же, например, присутствует в сознании авраамистического Бога. Но такие системы взглядов “нашему” ответу на “основной вопрос философии” противостоят. Поэтому всякий раз, когда в истматовской традиции заводишь речь об объективном знании – физическом или историческом, неважно, – тем самым допускали досадную некорректность, подменяя понятия и запутывая дело: ведь сказать-то хотели либо, что наше знание достоверно, либо, что оно позволяет познать “объективные законы” природы и общества, либо же самый лучший вариант, что оно позволяет достоверно познать “объективные законы”.

С познанием “объективных законов развития общества” у советских историков всегда были трудности – хотя бы потому, что эти законы были познаны классиками раз и навсегда, открытие каких бы то ни было новых отнюдь не приветствовалось. Приветствовалось зато “раскрытие” уже известных, т.е. функция историка сводилась к предъявлению все новых подтверждений правильности давно и не им открытых “объективных законов” и поиску иллюстраций к ним.

С уровня методологии неряшливо понимаемая дихотомия “хорошего” объективного знания” и “не такого хорошего” субъективного спустилась в сообществе историков на уровень их профессиональной повседневности. Когда председательствующий отзывался о слегка диссидентствующем докладчике, что тот представил свою “субъективную точку зрения”, он тем самым предусмотрительно дистанцировался от выступающего и советовал другим поступать точно так же. Вряд ли при этом он сам претендовал на обладание неким “объективным знанием”, просто под “объективностью” он подразумевал принадлежность к здоровому коллективу, единодушно разделяющему “правильное” суждение, а под “субъективностью” – внушающее некоторые подозрения неполное совпадение с генеральной линией. В этом плане “объективное – субъективное” было ничем иным как одним из средств (само)контроля и дисциплинирования внутри сообщества советских историков.

Об этом недавнем прошлом стоило вспомнить, чтобы понять, почему в глазах историков понятие “субъективного” до сих пор пользуется столь сомнительной репутацией. Мы почему-то упорно не желаем замечать, что историк субъективен, когда ставит исследовательскую задачу и формулирует вопросы, на которые собирается отвечать. Историк субъективен, когда выбирает методы анализа, когда этот анализ проводит, когда в его результате создает свои собственные, сугубо субъективные интерпретации прошлого. Историк субъективен и тогда, когда излагает результаты своего исследования. Ведь он вкладывает тот или иной, опять-таки субъективный смысл не только в масштабные теории, но даже в слова, которыми пользуется, в свою терминологию и тем более в метафоры, которыми так богата речь гуманитария. Кстати, по одной этой причине нельзя даже в принципе добиться унификации языка историка, и мечта о некоей “единой языковой тропе” неосуществима. Заключение подобных терминологических конвенций (обычно, кстати, только временных) возможно в математике, физике или химии – но все эти дисциплины на порядки проще истории.

Разумеется, в субъективности профессионального историка нет ничего общего с произволом. Его личные предпочтения во многом определяются внешними обстоятельствами, а особенности его исследовательского почерка вписываются в строгие нормы, выработанные профессиональным сообществом. Но ни то, ни другое не “нейтрализуют” его субъективность, не освобождают его от нее. И никакие “твердые факты” в любых мыслимых количествах этого тоже не делают. Простой констатации факта существования Помпеи или Трои, осязаемо подтверждаемого их сохранившимися стенами,

историку недостаточно, если, разумеется, смысл его деятельности не сводится к полемике с адептами “Новой хронологии”.

По словам Бойцова, по-своему “субъективен” и предмет исследований историка, ведь его интересуют не только анонимные, безличностные “процессы” и некие “закономерности”, но не в последнюю очередь сами люди с их мечтами, заблуждениями и непростыми отношениями друг с другом. И с их текстами, которые менее всего предназначались для того, чтобы сообщить потомкам “объективную истину” о собственном времени. Историки-новисты, кажется, в целом чаще питают иллюзии насчет возможности искоренить-таки “субъективность” из исторического исследования. Они полагают, что где-то имеются недоступные пока архивы, в которых за какой-нибудь стальной дверью скрывается объективная историческая истина. У античников и медиевистов таких надежд по понятным причинам нет. Они привыкли работать с субъективными интерпретациями субъективных интерпретаций, чтобы, в конечном счете, предлагать собственные субъективные интерпретации прошлого не более, но и не менее.

Бойцов заявил, что задача историка состоит вовсе не в том, чтобы всеми силами минимизировать собственное “Я”, а скорее, напротив, в том, чтобы проявить его поярче. Великие труды великих историков всегда субъективны, отражая яркую индивидуальность их авторов. Другое дело, что в начале XXI в. историки не только осознают эту свою субъективность, но и рефлексиируют над ней, контролируют ее, а не полагаются с наивной самоуверенностью XIX в., что открывают объективные истины одну за другой.

В конечном счете, любой историк, даже самый заурядный, в своей работе всегда руководствуется идеалом истины, опять-таки сугубо субъективно переживаемым. Как ни странно, встречаются коллеги, которые не только не краснея, а даже заговорщически подмигивая прямо с трибуны, начинают приговаривать: “Ну мы с вами все хорошо понимаем, что историку надо кормить детей, а потому ему приходится выполнять запросы власти, пускай даже самые бредовые”. Хорошо, корми детей тем способом, каким умеешь, тебя за это никто не осудит. Только не пытайся рассуждать о науке, к которой ты не имеешь отношения, потому что для этой формы деятельности именно субъективное стремление к истине является определяющим. Странно было бы, например, приглашать представительниц древнейшей профессии выступать судьями в вопросах морали – при всей социальной необходимости их непростого ремесла и даже приняв во внимание, что им ведь тоже как-то надо было кормить детей.

По мнению Бойцова, нередко создается впечатление, что в наших дискуссиях об историческом знании слова “объективность” и “субъективность” используются не в их собственном смысле, а в каком-то переносном. Так, часто ими заменяют, и при этом совершенно неправомерно, слова “достоверность” и “недостоверность”. Однако критерии достоверности устанавливает не Господь, а профессиональное сообщество и, следовательно, они субъективны. Если это сообщество авторитетно, то оно определяет, какие интерпретации прошлого будут считаться более убедительными, а какие – менее. Хорошо, когда в сообществе мало тех, кому “надо кормить детей” ценой отказа от научной этики. Хорошо, когда и в нем самом, и в обществе в целом, имеется консенсус по ключевым вопросам прошлого. А если его нет, как быть с тем, чью правду признать “более достоверной”? Как “объективно” выбирать между правдой жертв и правдой палачей? Найти некую среднюю? Отмерить по 50 % от каждой? В Германии вроде бы имеется консенсус в оценке нацистского прошлого, но он исчезает, когда кто-либо “из молодых” начинает детально выяснять, как вели себя именитые историки, искусствоведы и археологи в то самое время. Сразу слышатся голоса, даже в профессиональной среде, что не стоитшний раз ворошить прошлое. Наша ситуация намного хуже: консенсуса по поводу сталинской эпохи нет ни в профессиональном сообществе (чей авторитет, увы, невысок), ни в обществе в целом. Как быть с оценкой достоверности исторических интерпретаций профессиональным сообществом? И как тут быть с пресловутой “объективностью”?

Д.и.н., проф. **А.Ю. Ватлин**, истфак МГУ, отметил, что практически все, кто выступал до него в прениях, так или иначе давали ответ на вопрос, сформулированный

в названии конференции. Лично он бы ответил на него так: “Может ли история быть объективной? Скорее, нет”. Но если вопрос поставить чуть иначе: “Должна ли история быть объективной?”, ответ будет такой: “Конечно, да”.

По словам Ватлина, мы все согласны с тем, что объективность исторической науки как процесса познания прошлого – это недостижимый идеал, к которому нужно стремиться, хотя достигнуть его никогда не удастся. В этой связи докладчик сослался на споры о социализме в самом начале XX в., когда ревизионисты утверждали, что “движение – все, а цель ничто”. В конечном счете, именно они оказались правы, как бы не ругали их “ортодоксы” за эту мысль. Разве мы можем представить себе знание о прошлом, достигшее “полной и окончательной объективности”? Это будет воистину конец истории как науки, ибо на процессе познания будет поставлена точка. Появится истина в последней инстанции, от которой, как от “Краткого курса истории ВКП(б)”, можно пятиться только назад, подгоняя решение под готовый ответ. По мнению Ватлина, без жесткого идеологического лекала (возврата к которому нет, мы ведь знаем, что история не повторяется) подобная история попросту невозможна.

А.Ю. Ватлин назвал несколько причин, которые свидетельствуют об этом.

1. Все время растет и расширяется комплекс источников, которые находятся в нашем распоряжении. Конечно, этот рост разный для египтолога и для специалиста по XXI в., но он налицо.

2. Вопросы, которые мы сегодня задаем прошлому, определяются потребностями и интересами именно сегодняшнего дня – и сюда относится не только пресловутый политический заказ, но и общий культурный уровень общества, расширение его познавательного интереса (“горизонта ожиданий”, как сказал немецкий теоретик исторической науки Р. Козеллек).

3. Никакие компьютеры не избавят историческую науку от личностного начала. Не случайно даже учебники, которые должны преподносить общепринятые истины и оценки, студенты называют по именам их авторов – Машковский, Сапрыкинский или Авдусинский. И уж тем более любая научная работа неизбежно отражает личность ее автора, его мировоззренческую систему, его интеллектуальный потенциал, его личные симпатии и антипатии к своим героям, наконец.

4. История как никакая другая область познания внешнего мира (остерегаюсь здесь говорить “наука”) имеет прямой выход в творческую сферу – только у нас есть своя собственная муза! Художественная деятельность прямо требует креативности, которая недостижима без обретения индивидуального почерка, без отделения себя от “всего прочего”. Мы ведь требуем не только от кандидатской, но и от студенческой работы “научной новизны”, т.е. непохожести на все уже имеющееся!

Ватлин попросил присутствующих не рассматривать эти соображения как проявление исторического пессимизма, сомнений в том, что ученые способны получить достоверное знание о прошлом. По его словам, оно не равнозначно знанию “объективному”, поэтому он поддержал мнение проф. Рюзена об особом характере исторического знания, его “интерсубъективности”. Все эти вещи надо рассматривать не как препоны на пути к нему, напротив, – это факторы саморазвития процесса познания прошлого. Каждое поколение, конечно, не пишет свою особую историю, здесь американские “презентисты” явно переборщили, но оно, как минимум, вносит в нее собственное мироощущение, оставляет свой след. Именно поэтому слухи об интеллектуальной “смерти историка”, с которыми носились и до сих пор носятся сторонники постмодернизма, сильно преувеличены.

По словам А.Ю. Ватлина, существует такой грех – грех уныния. Ученые должны не впадать в него, а нести молодому поколению уверенность в том, что заниматься исторической наукой можно и нужно. К сожалению, порой в дискуссиях с коллегами-оппонентами (истфаков у нас скоро будет больше, чем историков), а иногда и просто с досужими попутчиками, приходится слышать упрек, явный или неявный, что у вас там, в МГУ, все хорошо, а потому вы такие стойкие консерваторы, вы держитесь за позитивистское толкование прошлого, которое само по себе принадлежит прошлому

веку. Возможно, в этих упреках есть и рациональный момент, но что же предлагается нашими оппонентами в качестве лекарства от консерватизма? Отказ от ключевых навыков нашего ремесла, которое, как известно, передается от мастеров к подмастерьям в процессе совместной работы. Консерватизмом объявляется и требование работы в архивах, и тщательно выверенные сноски, и привязка собственных текстов к имеющейся историографической базе.

Новаторством же оказывается стремление к оригинальности любой ценой, что находит свое выражение во внешней наукообразности. Взять хотя бы заимствование или выдумывание собственных терминов, о котором говорил В.В. Согрин. Здесь важно не переборщить, увлекаясь междисциплинарностью, точнее, ее внешней, заимствующей стороной. Иначе язык историка, насыщенный логическими, лингвистическими и социологическими “измами”, попросту перестанет служить средством внутридисциплинарной коммуникации. Вообще проблема “языка историка” могла бы стать темой следующей конференции такого же масштаба, как и сегодняшняя.

Есть консерватизм, которым надо гордиться и который надо отстаивать. Пусть это не модно сейчас, быть книжным или, что еще менее престижно, архивным червем. И здесь ученые должны вселять уверенность в учеников, не отгораживаясь от иных направлений и школ (мол, что с них возьмешь, они фантазеры, концептуалисты, постструктуралисты и т.д.), а противопоставлять им собственный научный продукт – высококачественный и востребованный научным сообществом (в том числе и заграничным).

Д.и.н., проф. **О.Е. Казьмина**, истфак МГУ, говоря об объективности истории и субъективности исторического исследования, сопоставила услышанные ею одновременно два разных рассказа, описывавших современную религиозную ситуацию в Непале. Выступая с докладом об итогах миссионерской работы за год, один из руководителей международной христианской организации “Mission to the World” П. Тайлор с гордостью сообщил о достижениях миссионеров в Непале. Он отметил, что в этой стране уже 1,5 млн. христиан (что составляет почти 5% населения) и что широкая христианизация несет с собой и гуманитарную миссию. Христианские организации, открывая новые школы, внося пожертвования на счета больниц, создавая благотворительные фонды, способствуют развитию образования, здравоохранения, социальных структур, обеспечивают социальную защиту беднейшим слоям населения. Все это, по мнению миссионера, выводит Непал из былой изоляции, вносит вклад в его модернизацию и открывает перед страной новые горизонты.

Буквально через несколько дней О.Е. Казьмина встретилась с женщиной из Непала, принадлежащей к обеспеченной брахманской семье (хотя и подчеркивающей свою личную нерелигиозность), живущей в настоящее время в Катманду. Она представила совсем другую картину происходящего в Непале. Она тоже отметила, но уже с горечью, высокие темпы христианизации Непала. Она сетовала, что христианские миссионеры заполонили Непал, что некоторые маленькие города уже полностью христианизированы, что большинство прислуги в ее семье – христиане. Эта женщина подчеркивала, что Непал – страна индуистской культуры, что массовая христианизация разрушает ее вековые традиции, ломает сложившуюся культурную идентичность населения. Более того, как она говорила, христианство в основном в Непале принимают представители наименее экономически обеспеченных низших социальных групп. В результате социально-экономические различия дополняются религиозным отчуждением, что ведет к обострению и без того непростой ситуации. Кроме того, христианизация, по ее мнению, создает дополнительные возможности для эмиграции, а интенсивная эмиграция трудоспособного населения – еще одна серьезная проблема современного Непала, консервирующая его бедность.

О.Е. Казьмина задалась вопросом, какой из этих рассказов правдивый? Оба правдивы. Какой из этих рассказов объективный? Оба субъективны, но оба базируются на объективном факте – 5% населения Непала приняли христианство. Диаметральные противоположные оценки этого факта дают многогранную картину особенностей современного развития этой южно-азиатской страны. И подобных примеров можно привести много.

Такие примеры не только поднимают проблему объективности в истории, но и ставят уже давно обсуждающиеся в этнологии и религиоведении вопросы о возможности изучения антропологических и религиозных феноменов извне или изнутри.

Отвечая на вопрос “Может ли история быть объективной?”, выступавшая дала положительный ответ, считая, что можно оптимистично смотреть на возможности изучения прошлого. История может быть объективной при том, что конкретное историческое исследование всегда субъективно, при этом речь не идет о заведомо и умышленно необъективном освещении прошлого, войнах памяти, продуцировании идеологизированных исторических мифов, т.е. закрытых темах и закрытых архивах. Вместе с тем, Казьмина считает, что каждое добросовестное историческое исследование до определенной степени субъективно в силу мировоззренческой позиции автора, его политических предпочтений, государственной принадлежности, этнической и религиозной идентичности и прочих культурных связей и привязанностей. Историк всегда сталкивается с выбором/отбором в своем исследовании: это и отбор источников, и выбор заслуживающих рассмотрения проблем, и выстраивание в определенную иерархию факторов, влияющих на ход исследуемого процесса. Все это, безусловно, привносит субъективность (и чем менее давнее прошлое исследуется, тем больше будет этой субъективности и эмоциональной вовлеченности исследователя), но одновременно все это делает процесс исторического познания многомерным, многоаспектным, многоцветным.

История, по мнению О.Е. Казьминой, может быть объективной, если историк честен в своем исследовании, если он стремится к исторической правде, если он уважительно обращается с источниками, если он помнит о морально-этическом императиве. И тогда не беда, а благо наличие разных субъективных точек зрения, противоположных оценок, различных трактовок. В этом случае все это помогает осмыслить объективный исторический процесс, протекающий в разных плоскостях, складывающийся из столкновения и сплетения разных интересов, разных условий, предопределенностей и случайностей. История любого события не видится двум людям абсолютно одинаково, но при добросовестном описании этого события и в разных его интерпретациях мы увидим определенные неопровержимые факты, связанные с этим событием. Оценка любого события или процесса зависит от контекста. История фактически переписывается, заново осмысливается каждым поколением, но все эти переосмысления базируются на совокупности фактов, которые видятся историкам неопровержимыми. Именно это позволяет говорить об объективности истории при безусловной субъективности каждого конкретного исследования, любой интерпретации и реконструкции.

Конечно, история – это не само прошлое, как карта – не сама территория. Но как добросовестно и научно составленные карты (со всем разнообразием их проекций и прочих условностей) дают адекватное представление о территории, так и история (со всей множественностью подходов, позиций и методов) может дать вполне объективное отражение прошлого. Абсолютная объективность исследования недостижима ни в одной области знания. Вместе с тем идеал объективного знания, стремление к такому знанию – это одна из наиболее фундаментальных ценностей науки, в том числе и исторической науки. С точки зрения О.Е. Казьминой, при стремлении к такому идеалу история все-таки может быть объективной, складываясь из отдельных субъективных исследований.

Д.и.н., проф. **Н.В. Козлова**, истфак МГУ, обратилась в первую очередь, к студенческой аудитории, к тем, кому еще предстоит определить свое место в профессии. Она заявила, что историческая наука – одна из самых сложных гуманитарных научных дисциплин. Эта сложность определяется не только тем, что она изучает всю совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории человечества, но и самой спецификой ее предмета.

Историческое прошлое инвариантно, оно уже совершилось. В познании прошлого в его инвариантности и состоит задача исторической науки. За многовековой период своего существования историческая наука разработала разнообразные методы и инструментари, позволяющие извлекать из исторического материала знания о прошлом. Уже

давно определены и обоснованы этапы и уровни познания исторической реальности: от получения эмпирического знания до теоретического уровня исторического познания, когда раскрывается сущность объекта. Однако исходным наиглавнейшим условием познания прошлого является наличие источников, необходимых для решения поставленной исследовательской задачи. Совокупность содержащихся в них фактов должна быть представительной и давать возможность для реконструкции изучаемых явлений и процессов. В противном случае, пробелы в источниках, ограниченность и неоднозначность “исходных данных может дать столько вариантов (реконструкции. – *Н.К.*), что выбор одного из них будет всецело субъективным”³¹. При недостатке в источниках нужной непосредственно выраженной информации исследователь прибегает к извлечению из них информации скрытой, структурной, путем выявления взаимосвязей. Этот путь требует значительной научной эрудиции и новых эмпирических фактов, при этом важны не только логические методы, но и чувственный опыт, интуиция, научное воображение.

Не последнюю роль в достоверном восприятии исторического прошлого принадлежит способности исследователя на чувственном уровне воспринимать изучаемую эпоху. Это достигается различными путями, например, в результате знакомства с историческими местами и артефактами, что позволяет вписать образ происходившего там когда-то события в визуальное пространство. По мнению Н.В. Козловой, важно непосредственное и постоянное общение с подлинными документами, хранящимися в архивах. Никакая публикация, даже выполненная на высочайшем археографическом уровне, а тем более документ, размещенный в сети Интернет, не передает тот эмоциональный заряд, который вызывает соприкосновение с подлинными архивными материалами. Этот аромат прошедших эпох присутствует и в пожелтевших страницах старинных столбцов и книг, и в выцветших коричневых чернилах, и в застрявшем между страницами песке, использовавшемся в качестве промокашки, и в написанной разными почерками скорописи, и в подлинных рукоприкладствах людей знатных или никому не известных, и в рисунке на полях рукописи или оставленной писцом на полях записи. Все это вызывает особый трепет, особое чувство сопричастности с историей, которая, хотя и отошла в прошлое, но уже не кажется такой далекой и непознаваемой.

Подводя итог, Н.В. Козлова заключила, что не надо от исторической науки требовать того, чего она не может дать в силу специфики своего предмета: она не может реконструировать историческое прошлое, она лишь может дать объективизированное о нем представление. Степень же объективности обретаемого знания о прошлом, в данном случае объективность, выступает как синоним научности и зависит: а) от добротной источниковой базы; б) от адекватности применяемых методов исследования и в) от самого исследователя, причем не только от его профессиональных знаний, умений, научной добросовестности, но и от особого на чувственном уровне понимания времени.

Вступивший в дискуссию **С.П. Карпов** заметил, что согласен с тем, что было сказано о языке историка, это справедливо и этим надо заниматься специально, обсуждая это в кругу специалистов и донося это до студенческой аудитории. Есть такой предмет, не исторический, а теологический, который называется апофатическое богословие. Он заключается в выражении сущности Божественного путем отрицания возможных определений как несоизмеримых ему. Может быть, этот принцип в чем-то полезен нам, для разграничения понятий, для отказа от применения чужеродных предмету дефиниций, нередко модернизирующих и упрощающих процессы и явления прошлого.

Член-корр. РАН, проф. **Л.П. Репина**, заместитель директора ИВИ РАН, президент Общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала “Диалог со временем”, свое выступление начала с самой формулировки вопроса, поскольку она показалась ей первоначально несколько банальной. Но потом стало понятно, что задачей организаторов было поставить вопрос так: “Может ли?”, чтобы отвечающему пришлось ответить – да или нет. Блестяще вышел из этой ситуации проф. Рюзен, который сказал,

³¹ Ковальченко И.Д. Указ. соч., с. 239.

что и да, и нет. Однако Репина решила ответить вопросом на вопрос: “В каком смысле может история быть объективной?”.

Л.П. Репина заявила, что сейчас уже общепринято, что понятие объективности имеет разное содержание. Со временем часто менялось не только его содержание, но и содержание понятия “истинность истории”, так же как содержание понятия “научности”. И эта связь понятий представлялась очевидной, и в начале, и во второй половине XX в., и сейчас она тем более очевидна. Но, размышляя о правильном ответе на вопрос “Может ли история быть объективной?”, ученые должны помнить, что существуют две составляющие этого вопроса. Одна сторона, которая апеллирует к проблеме научности, обосновывает статус истории как науки, а вторая – это моральная, нравственная составляющая. И это было ясно великим предшественникам, одним из которых был М. Блок. В своей “Апологии истории” он четко отметил эти две стороны. Во-первых, он говорил о такой области познания, где, хотя и не имеются сильные эвклидовы доказательства и не исследованы законы повторяемости, но, тем не менее, она может претендовать на звание научной. А с другой стороны, он подчеркивал морально-нравственный императив историка, говоря о том, что писать надо честно, правдиво, раскрывая, насколько возможно, неясные мотивы. Блок говорил и неоднократно писал об исполнении общеобязательного долга быть честным. По мнению Л.П. Репиной, эта морально-нравственная составляющая приобрела в последнее время особенно разумную актуальность и не случайно одна за другой выходят работы – это и статьи, и книги, посвященные проблеме этики истории, в том числе этики исторической науки.

Л.П. Репина остановилась на нескольких моментах, которые были до нее не затронуты. По ее мнению, совершенно точно было определено значение метода, методических правил для определения своеобразной объективности в историческом знании. Об этом интересно говорил проф. Рюзен, несколько статей которого в конце 1990-х – начале 2000-х годов были переведены и опубликованы в журнале “Диалог со временем”. Она обратила внимание на сосуществование разных концепций истинности и, соответственно, объективности.

По словам Л.П. Репиной, наряду с традиционной концепцией истины сейчас в философии присутствует целый ряд других концепций истинности, которые обнаруживают себя в историографической практике. Долгое время, в 90-е годы и в начале 2000-х годов, существовал достаточно большой разрыв между дискуссиями чисто теоретическими, теоретико-философскими, между дискуссиями о проблемах истинности и объективности в истории и историографической практике. Как отмечал проф. Ливен, не только в Великобритании, но и в России, есть историки, которых особенно не учили методологии или учили очень своеобразно, но, тем не менее, эти историки имеют определенный свод, совокупность правил, именуемых Библией для историков, в которой ученые могут распознать, изучая процедуры составления того или иного исторического текста, какую силу имеет этот текст, на каких источниках он основывается, насколько убедительна аргументация, которая предлагается и, таким образом, определить и получить в свои руки критерий этого наилучшего объяснения, который, безусловно, дает возможность отличить одну версию от другой. Иными словами, тот факт, что ученые ориентируются на плюрализм мнений, не должен загораживать собой момент, связанный с оценкой этих мнений. В заключение Л.П. Репина подчеркнула, что историки имеют научный, профессиональный, дисциплинарный критерий достоверности исторического знания и, ориентируясь на него, можно говорить об относительной объективности. Иными словами, признание того, что нет абсолютной объективности вообще и абсолютной объективности исторического знания, не отрицает наличие такового.

Д.и.н., проф. **В.П. Смирнов**, истфак МГУ, отвечая на вопрос, может ли историческая наука дать объективное представление о прошлом, счел нужным, прежде всего, обратиться к терминологии. С его точки зрения, предпочтительнее в данном случае говорить об “объективном знании о прошлом”, поскольку “знание” часто является более объективным, чем “представление”. Объективное знание – это такое знание, которое не зависит от мнения историка, которое существует, так сказать, само по себе.

Смирнов считает, что значительная часть современных историков, которые являются по преимуществу теоретиками, а не практиками, ответят на поставленный в повестку дня конференции вопрос сугубо отрицательно. Особенно это относится к сторонникам так называемого “лингвистического поворота”. Сами они, с его точки зрения, пока не создали выдающихся трудов в области истории, но зато указывают другим ученым, как надо понимать и писать историю, поскольку для них история – это совокупность неких “текстов”, с которыми надо обращаться по правилам лингвистики: исследовать их происхождение, структуру, пристрастия автора, искать параллели и заимствования. Такие тексты содержат мнения, оценки и концепции их авторов, но они вовсе не обязательно соответствуют исторической реальности. Дело в том, что историк эту реальность непосредственно наблюдать уже не может, он ее лишь мысленно “конструирует”, т.е. более или менее произвольно воображает.

Исторические источники по большей части тоже “тексты”, а их авторы были пристрастны, необъективны, замалчивали и искажали “неудобные” факты. По словам сторонников “лингвистического поворота”, исторический факт имеет лишь “лингвистическое существование”, а работа историков это по существу “высказывания о других высказываниях”³². Вместе с тем данные высказывания тоже субъективны, их авторы находятся в плену своих заблуждений, что мешает считать их взгляды истинными и объективными. Отсюда вытекает, что историю нельзя считать наукой, к которой применимы критерии достоверности и доказательности, а это – лишь совокупность субъективных умственных конструкций или особая разновидность литературы.

По мнению В.П. Смирнова, такая точка зрения является ошибочной. Историческое знание состоит не только из концепций и оценок историков, которые, разумеется, субъективны и часто противоречивы. Оно включает в себя сведения о необозримом количестве исторических фактов, основанных не только на письменных, но и на других источниках. Существование таких фактов объективно, оно не зависит от мнений и оценок историков. Как бы ни относились историки, например, к Декларации независимости США, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что она действительно была принята 4 июля 1776 г. в Филадельфии. Невозможно отрицать, скажем, то, что в XX в. произошли две мировые войны, а многие бывшие колонии стали самостоятельными государствами. Все это и есть объективное историческое знание, которое дает “объективное представление о прошлом”. Конечно, существует немало фактов, достоверность которых можно оспаривать. Историки постоянно ищут и находят новые, неизвестные ранее факты, но они поддаются процедурам верификации.

Говоря о критериях объективности, В.П. Смирнов считает, что они должны соответствовать той совокупности фактов, которые поддаются проверке, но само их существование не зависит от мнения кого бы то ни было. Разумеется, интерпретация фактов является субъективной, к ней плохо применимы процедуры верификации, достоверности и доказательности. Общие понятия, которые при этом используют историки, например, “прогресс”, “развитие” или “реакция”, часто весьма условны и не всегда поддаются точному определению.

Закljučая свое выступление, В.П. Смирнов сделал вывод о том, что историки субъективны, интерпретация фактов тоже субъективна, но историческое знание в своей основе объективно, в противном случае историю нельзя считать наукой.

Д.и.н., проф. **Т.Д. Соловей**, истфак МГУ, подняла проблему объективности в исторической науке как культурного мифа. Она заявила, что не верит в существование объективного исторического знания, но вместе с тем полагает, что стремление к объективности, которое понимается в данном контексте как синоним истины, есть важное морально-этическое и академическое понятие. Объясняя свою позицию, она выделила три главных положения.

Прежде всего, объективность в исторической науке была бы возможна при наличии двух обстоятельств. Во-первых, если бы удалось обнаружить (установить) некоторые

³² Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

закономерности в истории. Речь идет не об обнаружении регулярности (повторяемости) исторических событий, а именно закономерностей как “железных законов”. Во-вторых, если бы из тех фактов, которыми оперирует ученый, всегда следовали однозначные выводы, то сами комплексы фактов были бы исчерпаемыми. Соловей также обратила внимание на то, что современная наука отказалась от понятия историческая закономерность и предпочитает рассматривать исторические события как результат сложных констелляций обстоятельств (многофакторный подход), но не как проявление неких объективных закономерностей. Повторяемость (регулярность), которая случается в истории, не тождественна закономерности как “железной логике”.

В-третьих, базовым условием научной объективности традиционно считается опора на факты. Но вопреки расхожему убеждению, проникшему даже в научную среду, факты вовсе не предшествуют теории, а ровно наоборот: ученый приходит к фактам, уже имея теорию или гипотезу, которая может быть выражена открыто и последовательно, а может лишь подразумеваться. Теория направляет взгляд исследователя и вводит критерии того, что считать научными фактами, а что нет. В противном случае, т.е. без предварительной теории, отбор фактов носит произвольный характер, и исследователь оказывается перед двойкой опасностью: быть погребенным под Монбланом фактов, не имеющих отношения к предмету исследования, или же упустить из виду факты, относящиеся к делу. Научных фактов вне теории вообще не существует.

Т.Д. Соловей утверждает, что сама теория имеет своей отправной точкой индивидуальный до теоретический опыт исследователя. Наши идейно-политические убеждения, наш культурный багаж и даже наш индивидуальный психологический профиль и личностный темперамент, если не предопределяют жестко, то предрасполагают к выбору определенной исследовательской позиции, а авторская позиция детерминирует (подчас жестко) отбор фактов.

В-четвертых, если (предельно упрощая) понимать под объективным знанием то знание, содержание которого не зависит от исследователя, т.е. содержание предметов и их свойств как они есть, тогда мы вынуждены отказаться от концепта объективности. То, что в исторической науке называют объективностью, есть не более чем конвенция, т.е. соглашение ряда авторитетных ученых, предлагающих считать, что дело обстоит так, а не иначе. Другими словами, объективность есть сговор, сознательный или бессознательный или, если угодно, согласие по умолчанию. Тем не менее, понятие объективности как морально-этическая категория должно быть сохранено, поскольку придает науке и ученым (в их собственных глазах) некую моральную значимость, наделяет их занятие оттенком миссии, окружает науку аурой уважения.

В заключение Т.Д. Соловей заявила, что ученые неизбежно стремятся к истине, но это не тождественно ее (истины) монополизации одним человеком или группой лиц.

Д.и.н., проф. **Н.А. Хачатурян**, истфак МГУ, заявила, что поиск “достоверности” является едва ли не главным в процессе исторического познания и судьбах исторического знания. Именно стремление к “достоверности” стало ведущим фактором и смыслом развития истории как научной дисциплины. На разных этапах этого процесса названная проблема решалась по-разному, отражая реальное состояние исследовательского потенциала дисциплины. Средневековые хронисты, которых нередко упрекали, говоря современным языком, “в плагиате”, благодаря злоупотреблениям в цитировании текстов предшественников (на том этапе исторического знания главным аргументом “исторической правды” служило визуальное свидетельство), оперировали к помощи своих коллег, преследуя цель обеспечить убедительность рисуемой ими картины. Практическое отсутствие документальной базы и принцип “откровения” в процессе познания в рамках средневековой теологической концепции истории существенно ограничивали возможности и результативность исследовательского поиска, превращая историю, тогда еще не оформившуюся в самостоятельную дисциплину, в рассказ.

Иными словами, категория “достоверность”, как максимальное приближение исторического образа реальности к собственно объекту, – подчиняется принципу историзма. Известный французский социолог и философ XX в. М. Фуко определил эту пози-

цию формулой “эпистема”, расшифровав ее как соответствие состояния знаний о мире и способов видения и объяснения последнего историческому этапу³³. Конкретизируя содержание формулы применительно к области исторических знаний, следует особо подчеркнуть качества критического анализа (уровень и характер, средства верификации данных в исследовательской методике; природа используемых источников), а также необходимость соединения фактологической истории и философии истории, которое обеспечивает понимание ученым смысла исторического процесса.

Сегодня, при кажущейся ясности задачи для достижения “достоверной истории”, а именно необходимости высокого профессионализма ученого, тем более, что при очевидном и утешительном факте принадлежности современных историков к высокоразвитому человеческому сообществу, даже для них решение ее, тем не менее, оказывается весьма непростым. Сложность задачи объясняется несколькими обстоятельствами. Первое место в их ряду занимает принцип относительности, в пространстве которого реализуется универсальный закон развития, включая сферу исторического процесса и его эпистемологию. Его действие в историческом процессе демонстрируют такие качества самого явления “развития”, как перманентные изменения, его нелинейный, пульсирующий характер с возможными откатами и прорывами, преемственностью и скачками, наконец, крайней вариативностью форм. Сложность постижения историком столь многоликой действительности общественного развития усиливает исходный и неизбежный факт относительности знаний на очередном временном отрезке их существования. Эту особенность человеческого познания очень точно и образно подчеркнул известный физик XX столетия В. Гейзенберг, написав, что рисуемая исследователями реальность представляет собой ответы на поставленные ими вопросы, дающие таким образом более или менее верный только эскиз действительности.

Для исторического познания в ряду дополнительных ограничений следует назвать природу истории как научной дисциплины, связанную со спецификой объекта и условиями его изучения. Гегель видел эту специфику в присущей истории “субъектной активности”, поскольку в отличие от естественных наук, по его словам, она в изучении прошлого оперирует не фактом, но его отражением в источнике. Спустя более чем столетие французский философ – структуралист М. Серто передает это же ощущение опосредованного наблюдения историком изучаемого им предмета: “Старый мир прошлого неდებაся сам. Прошлое не стоит на месте. Это мы его сдвигаем с места”³⁴.

Объяснение “объективной субъектности” истории можно расширить, отметив роль субъективного фактора в самом историческом процессе, благодаря участию людей в качестве его акторов, с их желаниями, целями и возможностями, а также печать субъективности, которую несет на себе творчество историка, изучающего этот процесс. Более того, упомянутые нами случаи субъективности исторической дисциплины не исключают усиливающего их возможного компонента в виде политизированного или ангажированного, в большей или меньшей степени, сознания как участников, так и аналитиков исторического процесса.

Отмеченные возможности, а также трудности, которые сопровождают развитие истории как научной дисциплины, объясняют, хотя и не оправдывают, часто встречающееся негативное отношение к ней и даже сомнение в претензиях на рефлексию, ограничивая ее назначение только описанием или рассказом. Следует при этом иметь в виду, что помимо объективных особенностей в природе эпистемологии в целом, а также природе самой исторической дисциплины, негативное отношение к ней часто, особенно в кризисные периоды, провоцируют сами историки, проявляя присущие человеческому сознанию слабости, которые возможно избежать. Одним из таких весьма неконструктивных для науки “тупиков сознания” является склонность исследователя к максимализму и альтернативной манере решения проблем. В универсальной гегелевской формуле развития такого исследователя вдохновляет по преимуществу ком-

³³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.

³⁴ Serteau M. *Histoire et Structure*. Paris, 1970, p. 173.

понент антитезы – по отношению к прошлому науки, другому мнению или научному направлению, хотя следующий шаг в развитии знаний, как правило, предопределяет синтез.

Н.А. Хачатурян считает, что историческая дисциплина не заслуживает пессимистической оценки, а скорее наоборот, – должного понимания тех усилий, которые были предприняты и предпринимаются историками и философами на путях ее формирования и существования как науки. Ею был принят в XX в. как данность действительно трудный (трагический, по словам Л. Февра) для сознания человека, всегда и во всем стремящегося к определенности, принцип относительности общественного развития и эпистемологии³⁵. Ею же был найден правильный выход – поиск совершенствования исследовательских методов и способов видения действительности, а также поиск единства исторического эксперимента и философии истории.

Принимая во внимание необходимые поправки к кумулятивной теории в истории знаний, исключившие простой накопительный характер процесса их формирования, нельзя не признать весьма впечатляющий актив, в частности, медиевистики в познании не только средневековой истории, но и механизмов исторического процесса, по крайней мере, во временных рамках прошлой, уже состоявшейся истории. Это утверждение не исключает возможности уточнений и дополнений к сделанным достижениям. “Угадавшие”, пусть не до конца, смысл многих явлений, – их нельзя назвать “недо-стоверными”, поскольку, став итогом “экспериментальной” (опытной) работы историков с фактами, они не были выдуманы. По словам Н.А. Хачатурян, реконструируя прошлое, историки не создают, а воссоздают его, и это непростое (требующее осторожности вследствие наличия подводных камней в ходе научного поиска), но прекрасное занятие.

* * *

Председатель оргкомитета, академик **С.П. Карпов** подвел итоги конференции, богатой, по его словам, разными суждениями и затрагивающей разные темы. Он заявил, что обсуждение поднятых в ходе обсуждения проблем имеет большое, и практическое, и теоретическое значение. Практическое потому, что мы можем использовать теоретические наработки в преподавании, и это важно для наших молодых коллег, которые думают о путях развития исторической науки, в то время когда уважение к исторической науке во многих странах падает, что мы должны с грустью признать. Практическое значение конференции состоит в том, что мы показываем обществу значение нашей науки, оттачиваем ее инструментарий, предлагаем новые подходы, поднимаем ее социальную роль, одновременно укрепляя и социальную роль Московского университета.

С.П. Карпов подчеркнул, что дискуссии, прошедшие на конференции, были уважительными и конструктивными. Сделанные доклады содержали новые подходы и полемические положения. Говорят, что в споре рождается истина, но это глубокое заблуждение. Истина (притом относительная) рождается в споре только тогда, когда спор ведут профессионалы в данной области, а не дилетанты, нахватавшиеся поверхностных знаний в разных сферах. По общему мнению, споры на этой конференции были спорами профессионалов.

Говоря об объективности истории, уровне этой объективности и о том, как его можно достичь, Карпов отметил, что адекватную формализацию процесса аккумуляции научного знания дает так называемая логистическая функция, широко используемая в моделях динамики развития различных социальных систем, важные параметры которых имеют предельное значение своей эволюции.

Логистическая функция – решение простого нелинейного дифференциального уравнения первого порядка: $dP/dt = P(1 - P)$. Рис. 1 дает наглядное представление об этой функции.

³⁵ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

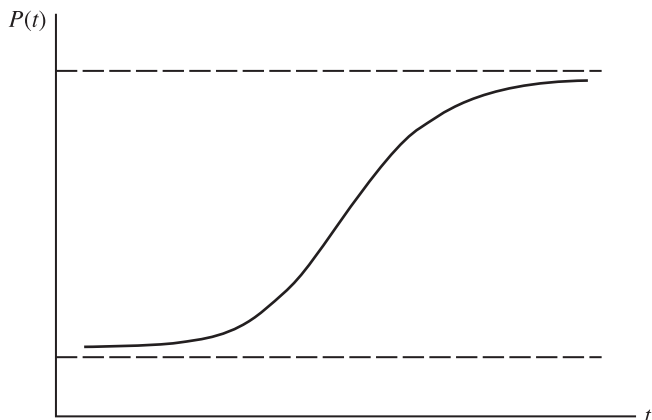

Рис. 1. Логистическая кривая.

Интерпретация этой зависимости в нашем случае такова. Аккумуляция исторического знания начинается с определенного минимального уровня и медленно растет, затем начинается процесс быстрого накопления знаний. Однако постепенно этот рост замедляется по мере приближения к верхней пунктирной линии, означающей теоретически достижимый, полный объем знаний. Этот процесс носит асимптотический характер, т.е. логистическая функция стремится к нему, приближаясь сколь угодно близко, но никогда его не достигая. С.П. Карпов поблагодарил проф. Л.И. Бородину за точное математическое определение этой функции.

Стремление историков к максимально возможному приближению к реалиям прошлого ограничено невозможностью полного познания. Мы никогда не будем обладать всей полнотой информации, которая была исторической данностью. И когда мы говорим об объективности и познаваемости, мы должны различать две вещи – историю как процесс, которая абсолютно объективна, и историю как познание, которая субъективна. И сочетание этих вещей и выдает тот результат, который имеют историки. Задача, которая стоит перед учеными, может быть названа, по мнению Карпова, как верификация истории, как выявление того ядра, которое может быть проверяемо. При обсуждении этих проблем со студентами, он всегда говорит им, что они должны поступать как хорошие реставраторы. Плохой реставратор строит на полуразвалившемся фундаменте то, что считает нужным. Хорошая реставрация требует отделить сохранившийся слой плинфой и достраивать по аналогам несохранившиеся части, если это нужно для консервации памятника. Иными словами, демонстрируется, что аутентичное, а что – реконструируемое. Так же должен поступать и историк. Он должен прямо сказать о пределах своего знания. Уровень верификации может быть разным, нужно определять, каков этот уровень. И математические методы изучения источников могут быть здесь полезны. И когда ученые сейчас говорят об истории, трактуют ее, они должны понимать, что история ныне стала мультидисциплинарной, и междисциплинарность является основной тенденцией.

Между тем есть опасность растворить наш предмет в этой мультидисциплинарности. По мнению Карпова, историки должны эту опасность видеть и избежать. И здесь примером может быть античность. Вспомним Гекатея из Милета, Фукидида, Полибия и особенно Лукиана, которые подчеркивали уже тогда отличие истории от других жанров (риторики, мифов и пр.) Тем более, сейчас надо понимать, где границы истории, где и какие другие науки входят в нее, а где и какие ей чужеродны. К примеру, упрощением и искажениями чревато применение в истории социологических категорий, неадекватных времени. Когда ученые говорят об истории Древнего мира, Средневековья в терминах, которые не могут описать эпоху, привнесены реалиями позднейшего времени, адап-

тированными к нему, а не к изучаемому периоду, они допускают ошибку. Модернизация истории прошлого чрезвычайно опасна.

С.П. Карпов обратил внимание присутствующих на то, о чем, к его удивлению, не было сказано ни разу. По его мнению, огромное значение для объяснения истории получила синергетика. Может быть, ученые уже пошли дальше, но ее методы анализа и возможности выявления закономерностей заслуживают внимания и изучения. Не пост-модернизм нам сейчас интересен, а синергетика и ее результаты.

Как отметил Карпов, то, что было сегодня сказано о терминологическом консенсусе, кажется ему справедливым. Действительно, есть определения, о которых историки просто должны договориться: “Мы понимаем под этим вот что, и будем оперировать именно таким термином, зная, что есть другие точки зрения и уважая их”. И дальше можно идти вперед, обозначив вещи четко и ясно. Не всегда можно договориться, но, опять же, историки должны поименовать наши различия и ввести разграничения, ведь часто одним словом обозначаются разные реалии и явления, а одинаковые реалии называются разными словами. Без договоренности о, пусть условных, определениях, ученые не достигнут ни взаимопонимания, ни прогресса в науке.

С.П. Карпов коснулся еще одного важного вопроса, который не затрагивался, хотя он очень важен. Речь идет о мистическом значении истории. Ученый может воскрешать мертвых, восстанавливать образы людей, живших задолго до нас. Память о предках – органичное свойство человека, но ее восстановление и сбережение – долг историка.

В заключение С.П. Карпов поблагодарил всех присутствующих за активное участие в работе конференции.